



ДАНИИЭЛА СТИЛ

Самое большое счастье в жизни —
знать, что тебя любят.

ГОРЬКИЙ МЕД

Горький мед

Даниэла Стил

Горький мед

«ЭКСМО»

1999

Стил Д.

Горький мед / Д. Стил — «Эксмо», 1999 — (Горький мед)

ISBN 978-5-04-163719-4

В прошлом известная фотожурналистка, а сейчас мать четверых детей, Глэдис мечтает вернуться к любимой работе, однако муж категорически против ее планов. Глэдис не знает, что ей делать – рушится ее семейная жизнь! И в этот отчаянный момент она знакомится с миллионером Полом Уордом, который помогает ей принять непростое, но единственно верное решение...

ISBN 978-5-04-163719-4

© Стил Д., 1999

© Эксмо, 1999

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	25
Глава 3	40
Глава 4	45
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Даниэла Стил

Горький мед

*Посвящается Тому с благодарностью за все сладкое и горькое.
С любовью. Д. С.*

Никогда не отказывайтесь от своей мечты. Где-нибудь, когда-нибудь, как-нибудь вы ее найдете...

Часть I

Глава 1

Когда-то этот объектив видел гватемальских повстанцев и извержение вулкана, чудовищной силы наводнение и захватывающие события в джунглях Кении. Ох, это было блестящее время! Восторг, волнение и то редкостное состояние, когда в момент нажатия кнопки затвора чувствуешь – удача, удача! Вновь ее пестрые крылья шелестят над твоей головой, Глэдис Уильямс. Глэдис Тейлор, почтенную замужнюю даму и мать четырех детей, это чувство давно не посещало. О, конечно, талант ее остался при ней, но теперь лучший объектив Америки был нацелен на группу девятилетних мальчишек, которые толпой гонялись за футбольным мячом по лужайке стадиона. Вот наконец и настоящая куча мала – руки, ноги, головы – фантастика, но все целы и невредимы. Глэдис знала, что где-то там, в самом низу, находится ее младший сын Сэм. На всякий случай она щелкнула затвором и быстро переключила кассету. Она обещала сыну классные фотографии и теперь всю тратила пленку. Слава богу, профессию она знала не понаслышке. Чтобы получить один удачный кадр, изведешь порой мили пленки. Но уж и результаты у Глэдис были таковы, что жалеть о потерянном времени не приходилось. Она была рада возможности провести сегодняшний теплый майский вечер в одном из парков Уэстпорта, наблюдая за азартной игрой мальчишек, среди которых был и ее Сэм, и вдобавок заняться любимым делом.

Да, теперь у Глэдис было четверо детей в возрасте от девяти до четырнадцати лет, и, значит, она жила в мире забот, сопутствующих такому положению вещей. Футбол, бейсбол, плавание и теннис, балетные классы дочерей и, стало быть, бесконечные поездки с детьми на автомобиле туда и оттуда, и еще раз туда. Если учесть еще всю необходимую детям медицину, получалась жизнь на колесах. Правда, возили детей везде по очереди, договариваясь с соседями, создав так называемый автопул, но все равно однообразие такой жизни не то чтобы утомляло, но вселяло в душу безразличие и апатию.

Но упаси вас бог подумать плохо: Глэдис Тейлор любила своих детей и мужа и почти не тяготилась положением домашней хозяйки. Правда, в ранней молодости она вряд ли представляла себе, что судьба ее сложится именно так. То, о чем они с Дугласом когда-то мечтали, так и не сбылось. С возрастом обоим стало понятно, что это были просто красивые, романтические сказки, не имеющие никакого или почти никакого отношения к реальности. Зато теперь они твердо знали свое место в этой жизни. Все, о чем они думали и на что надеялись, когда двадцать лет назад впервые встретились в Коста-Рике, в американском Корпусе мира, осталось далеко в прошлом.

Лишь изредка Глэдис приходило в голову, что жизнь, которую она вела, стала такой только потому, что этого хотел Дуг. Он всегда умел добиваться своего. Грех жаловаться, на семнадцатом году супружества у них был большой дом в Уэстпорте, солидная страховка, счет в банке, четверо детей и лабрадор-ретривер. И ничего иного Дуг не желал. Каждое утро, в одно и то же время, он ехал на службу в Нью-Йорк, встречался там с одними и теми же людьми, работал с одними и теми же бумагами и чувствовал себя превосходно. Зарабатывал Дуг вполне прилично – он был старшим клерком в крупной маркетинговой фирме, и Глэдис могла позволить себе не думать о деньгах. Впрочем, они никогда не занимали ее мыслей. У нее были другие предметы страсти.

Те далекие дни в Корпусе мира Глэдис всегда вспоминала с легким чувством ностальгии, и вовсе не потому, что тогда она была моложе. Просто ей нравились трудности, а особенно

сознание того, что она делает что-то важное, что может принести человечеству пользу. И опасности, с которыми ей тоже приходилось сталкиваться, только подогревали ее пыл.

Фотографировать Глэдис начала рано – где-то на грани юности и детства. Обращаться с камерой научил ее отец, который работал специальным корреспондентом «Нью-Йорк таймс». К сожалению, видаться им приходилось достаточно редко, поскольку большую часть времени Джек Уильямс проводил вдали от дома, выполняя то или иное рискованное задание редакции. Глэдис безумно нравились отцовские фотографии, а еще больше истории, которые он рассказывал. Она грезила о немыслимых приключениях, но ее мечтам суждено было сбыться только после того, как Глэдис вступила добровольцем в Корпус мира и стала посылать свои снимки в газеты.

Ей удалось создать себе имя. Газеты сами стали поручать ей важные задания. Выполняя их, Глэдис сталкивалась то с бандитами, то с партизанами, которые почти ничем не отличались друг от друга, но она не задумывалась о степени риска. Глэдис наслаждалась тем особым чувством края бездны, так хорошо знакомым гонщикам, канатоходцам или серфингистам. Впрочем, и специально под пули она никогда не лезла. Глэдис завораживала смена лиц и мест, пестрая сумятица вечной новизны, когда ничего не усиливает радость. Работа приносила ей подлинную, ни с чем не сравнимую радость и ощущение неограниченной свободы.

Должно быть, именно поэтому – даже после того, как истек срок контракта с Корпусом мира и Дуг вернулся в Штаты, – Глэдис осталась в Центральной Америке. Она провела там еще несколько месяцев и подготовила несколько блестящих фоторепортажей. Потом за какой-нибудь год с небольшим она ухитрилась побывать чуть ли не во всех «горячих точках» планеты. Глэдис снимала, снимала, снимала. Должно быть, это было у нее в крови, в сердце, в душе, и противостоять этому тройному зову Глэдис не могла.

Дуглас был совсем другим. Он не бежал от опасности, но для него поездки Глэдис были просто приключением, то есть годились только в бурной молодости. Все мы отдаем дань сумасбродствам. Дуг стремился к тому, что он называл «реальной жизнью». Даже работу в миссии Корпуса мира он считал лишь этапом на пути к настоящему и гораздо более важному делу.

Для Глэдис реальной жизнью была фотография.

Карьера ее продолжала идти в гору. Она прожила два месяца в лагере гватемальских инсургентов и вернулась в Штаты с потрясающими фотографиями. Так пришло международное признание. Впервые в жизни Глэдис даже получила несколько премий и призов, в том числе приз за мастерство, за художественность и за личное мужество.

Впоследствии, оглядываясь на те беспокойные годы, Глэдис думала, что тогда она была совсем другой. Удивительно, что делают с человеком обстоятельства. Куда девалась та женщина – бесстрашная и неистовая, чей свободный дух и страстность проявлялись в любом деле? Ну да ведь и жизнь ее стала теперь совершенно иной. Но у Глэдис не было ни малейшего сомнения, что вот эта ее жизнь с Дугом и есть то самое, о чем любая женщина может только мечтать. Все, что она делала для него и для детей, было не менее важным, чем все фоторепортажи и серии снимков, которые она привозила из Анголы, Коста-Рики, Непала и Камбоджи. Талант, принесенный в жертву? Нет, нет и еще раз нет! Она не бросала и не предавала своих достижений – просто она обменяла это на что-то совершенно другое. Любовь мужа – разве этого не достаточно?

Да, Глэдис пережила когда-то эти волнующие моменты, но она сумела преодолеть свою зависимость от них. Это ведь сродни привычке наркомана к сильнодействующему наркотику. Такое пристрастие она, несомненно, унаследовала от отца, который погиб в Дананге, когда ей было пятнадцать – через год после того, как получил Пулитцеровскую премию за серию вьетнамских репортажей. Возможно, именно это и определило ее будущее на ближайшие несколько лет, ибо Глэдис просто не могла не пойти по стопам отца. Тогда это было главным. Перемены в ее жизни наступили позже, гораздо позже.

В Нью-Йорк Глэдис вернулась, проработав полтора года в разных «горячих точках» и объехав буквально весь мир. И тут же получила от Дугласа форменный ультиматум. Он заявил, что, если она действительно хочет связать с ним свою жизнь, пора перестать «подставлять свою голову под пули» в джунглях Кении или в горах Пакистана. Жить и работать они будут в Нью-Йорке.

Решиться на это Глэдис было непросто. Кочевая, неустроенная жизнь фотокорреспондента была для нее единственной приемлемой формой бытия. К тому же – втайне ото всех – Глэдис мечтала о том, что когда-нибудь она тоже получит Пулитцеровскую премию. Но, с другой стороны, во многом Дуглас был прав. Карьера фотографа разрушила семейную жизнь ее отца и в конце концов стоила ему жизни. Ради удачного снимка он готов был лезть к черту на рога. За пределами его работы для Джека Уильямса не существовало ничего или почти ничего. В сущности, Дуглас просто напоминал Глэдис о том, что если он все еще ей нужен, то она должна, в конце концов, выбрать между ним и фотографией, между нормальной жизнью и бесконечными скитаниями. Вот и все.

В двадцать шесть лет Глэдис вышла за Дуга замуж и еще два года работала на «Нью-Йорк таймс», делая обзоры и репортажи на местном материале. Дуглас не считал семью без детей полноценной, а Глэдис очень любила Дуга. Родилась Джессика. Глэдис оставила работу в газете и переехала с дочерью и мужем в Коннектикут, окончательно порвав с прежней жизнью.

Это было что-то вроде сделки – сделки, на которую Глэдис согласилась добровольно. Когда они поженились, Дуг поставил условие: как только появятся дети, она должна будет оставить карьеру фотографа. И Глэдис не возражала. Тогда ей казалось, что к этому времени она будет готова изменить свой образ жизни и превратиться в солидную даму. Все вышло не совсем так, но в то время ей просто некогда стало думать. Заботы о дочери отнимали у нее почти все свободное время. Глэдис еще продолжала тосковать по своей работе в «Нью-Йорк таймс», пусть она и не шла ни в какое сравнение с прежней разъездной жизнью.

Но дальше... дальше в течение пяти лет Глэдис родила четверых детей, и забот у нее стало столько, что некогда было перевести дух. Какая там, к черту, фотография. Пеленки, кормление, первые зубки, больные уши, ясли и непрерывные беременности – ничто другое не тревожило ее мысли. Акушерка и педиатр стали для нее едва ли не самыми близкими людьми, во всяком случае, встречалась она с ними гораздо чаще, чем с кем-либо еще. Несколько позднее она включала в круг общения других женщин, чьи жизни вращались исключительно вокруг детей. Многие из них тоже когда-то оставили многообещающую карьеру или интересную работу, посвятив все свое время детям, и теперь терпеливо ждали, пока их отпрыски немного подрастут, чтобы вернуться к своим прежним занятиям. Мало кто среди этих приятельниц мог выкроить хотя бы несколько часов в день, чтобы отдаться любимому занятию. Некоторые частенько сетовали, что время уходит чуть ли не зря, но Глэдис никогда не жаловалась. Она, конечно, скучала и была бы рада даже обычным пейзажным съемкам, но решение было принято и надо его выполнять. Глэдис обладала достаточно твердым характером, чтобы не бросать обещаний на ветер. Да и, честно говоря, Глэдис любила возиться с детьми, хотя к вечеру она обычно чувствовала себя выжатой как лимон. Все-таки четверо за пять лет – это не шутки. Особенно тяжело приходилось, когда она в очередной раз оказывалась в положении.

Но она сама выбрала это. Чего Глэдис не понимала, принимая столь важные решения, так это того, как далеко от прежней жизни уведет ее рождение Джессики. Материнство было для нее понятием довольно отвлеченным, поэтому она просто не представляла себе, насколько сильно все изменится. А когда она очнулась, скинув бремя бесконечных прогулок, купаний, кормлений и ночных бдений у очередной кровати, то оказалось, что серьезные изменения произошли в ней самой. Сейчас Глэдис сама не захотела бы каждый день оставлять детей, чтобы отправляться на работу. Правда, время от времени – не чаще, чем один или два раза в год – она все же делала кое-какие репортажи по заказам местных или нью-йоркских газет, однако

эти съемки не были связаны ни с опасностью, ни с дальними, длительными командировками. Оставить семью даже на неделю – нет, на день, даже на несколько часов! – Глэдис не могла физически. Так она и объяснила своему агенту, который продолжал обращаться к ней с самыми лестными предложениями. (В его списке клиентов Глэдис была звездой чуть не самой первой величины.)

В конечном итоге Глэдис приспособила любимое дело к своей новой профессии матери, снимая детей и создавая своеобразную фотолетопись семьи. Иного способа не забыть, где у фотоаппарата объектив, для Глэдис просто не существовало. Порой она чувствовала себя скованной по рукам и ногам узницей, запертой в какой-то невидимой, но очень прочной клетке, прутьями которой служили ее ежедневные рутинные обязанности, сами по себе незначительные, но требующие времени и усилий. И все же Глэдис не протестовала, потому что разве не об этом они когда-то договаривались с Дугласом? Но куда бы она ни шла, куда бы ни ехала, фотоаппарат постоянно был у нее в руке, висел через плечо или, в крайнем случае, лежал рядом на сиденье машины. Без него Глэдис чувствовала себя так, словно у нее поехал чулок или потекла тушь.

Иногда она позволяла себе помечтать о том, что когда-нибудь, когда дети вырастут, она сможет вернуться к профессиональным съемкам, но никаких конкретных сроков Глэдис не ставила. Быть может, рассуждала она, лет через пять, когда Сэм уже будет в старших классах, тогда... Пока же это было совершенно невозможно. Сэму только-только исполнилось девять, Эйми – одиннадцать, Джейсону – двенадцать, и Джессике – четырнадцать. И Глэдис металась между ними как угорелая.

Единственной возможностью немного перевести дух были для Глэдис поездки на мыс Код, где они каждый год проводили летние каникулы. Это время она считала едва ли не самым беззаботным в году. Именно на побережье Глэдис сделала свои самые лучшие детские фотографии, а благодаря тому, что дети целыми днями пропадали у моря, у нее появлялись свободные часы. В коттедже, который они снимали на протяжении нескольких лет, Глэдис оборудовала небольшую фотолабораторию. И, блаженствуя, проявляла там только что отснятые пленки или печатала снимки. Кроме того, на даче – коттедж на мысе Код они в шутку называли «дачей» и считали почти своим – Глэдис очень редко садилась за руль, поскольку в большинстве мест здесь можно было попасть пешком или на велосипеде. Даже младшего Сэма Глэдис не боялась отпускать на велосипедные прогулки, поскольку курорт слыл местом тихим и безопасным, да и Сэм уже не требовал постоянного присмотра.

Дети потихоньку росли, и, глядя на них, Глэдис чувствовала, как сердце ее сжимается от радости и гордости. Но вот насколько выросла за это время она сама? Частенько Глэдис жалела о книгах, которые не прочла за недостатком времени, и смущалась, когда при ней обсуждали какое-то политическое событие, а она о нем понятия не имела (к политике Глэдис уже давно утратила всякий интерес). Порой у нее появлялось такое ощущение, будто весь мир продолжает идти куда-то, в то время как она остается на месте. Жизнь ее практически не менялась с тех пор, как у нее родилась Джессика. Эти четырнадцать лет были долгими и трудными, состоящими из жертв, компромиссов и постоянного душевного напряжения, зато результат... Результат тоже получился зримым, осязаемым, реальным, и у Глэдис были все основания гордиться собой. Ее дети были здоровы и довольны. Они росли в уютном, маленьком мире, окруженные любовью и заботой. Им ни разу не угрожала никакая серьезная беда, и даже обычные мелкие неприятности были в их жизни большой редкостью. Самым страшным, что могло с ними случиться, была ссора с соседским ребенком, выволочка за потерянную домашнюю работу, расцарапанное колено или разбитый нос. А главное – и это было большой заслугой Глэдис, – ни один из ее четырех детей понятия не имел о том, что такое одиночество. Что бы ни случилось, каждый из них непременно получал свою порцию утешений, ласки или строгих родительских внушений. Дуг каждый день возвращался домой, и это поддерживало создавшу-

юся в доме атмосферу стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Именно этого когда-то очень недоставало самой Глэдис. Отец ее постоянно находился в разъездах и возвращался домой редко и ненадолго.

Вот такие мысли пронеслись в голове Глэдис. А между тем Сэм, выбравшись из кучи малы, ринулся к воротам соперника и забил эффектный гол. Она едва успела дважды нажать на затвор. Сын исчез, скрытый спинами товарищей, которые со всех сторон обступили его, поздравляя с удачей.

Невольно улыбнувшись, Глэдис еще раз нажала на кнопку спуска и отошла к скамьям, где, оживленно переговариваясь, расположились еще несколько матерей. Никто из них не следил за игрой – все были слишком увлечены беседой. И ничего удивительного в этом не было: спортивные состязания давно уже не были им в новинку, поэтому они не уделяли особого внимания тому, что происходило на поле. Они просто были рядом, составляя такую же неотъемлемую принадлежность стадиона, как скамьи, на которых они сидели.

Когда Глэдис подошла, одна из женщин, увидев ее, повернулась, освобождая место. Это была довольно близкая подруга Глэдис по имени Мэйбл Джонс. В руке у Мэйбл был картонный стаканчик с кофе. День выдался теплым, однако Глэдис нисколько не удивилась, увидев пар над стаканчиком. Мэйбл признавала только очень горячий кофе – и зимой, когда, гуляя с детьми, им приходилось притопивать ногами, чтобы не замерзнуть, и в самую жаркую летнюю пору.

– Еще три недели, и школе конец. По крайней мере – на этот год, – промолвила Мэйбл, делая большой глоток капучино. – Как же я ненавижу эти мужские игры на свежем воздухе! Почему бог не послал мне девочек? Хотя бы одну девочку. Эти бутсы, гетры и щитки в конце концов сведут меня с ума!

Глэдис улыбнулась. Жалобы Мэйбл – дело привычное. У ее подруги было трое детей. Двое близнецов – ровесники Сэма, и в последние девять лет Мэйбл только и делала, что сетовала на свою судьбу. Ей пришлось оставить работу адвоката по гражданским делам.

– Поверь мне, лучше футбол, чем балет, – со знанием дела сказала Глэдис. Как раз этой весной ее Джессика бросила балетную школу, в которой занималась с шести лет, и Глэдис все еще не знала, радоваться этому или огорчаться. Она чувствовала, что ей еще долго будет не хватать репетиций и концертов, но возить дочку трижды в неделю в балетный класс тяжело. Впрочем, теперь Джессика увлеклась теннисом и тренировалась с завидным рвением. Надо сказать, Глэдис только выиграла от этого. На корты Джессика ездила на велосипеде, благо они находились совсем недалеко от дома.

– По крайней мере, для того, чтобы заниматься футболом, не надо постоянно мотаться в Нью-Йорк, – пояснила Глэдис свою точку зрения.

– Зато балетные тапочки и пачки выглядят гораздо эстетичнее, чем залепленные грязью шорты и раздрыганные бутсы, – с усмешкой ответила Мэйбл и встала, увидев, что Глэдис и не думает садиться. – Пойдем пройдемся немного.

Глэдис кивнула. Они с Мэйбл подружились, еще когда семья Тейлоров была ровно вдвое меньше, чем сейчас, и только-только переехала в Уэстпорт из Нью-Йорка. Мэйбл тогда тоже только что родила (ее старшему сыну, как и Джессике, было четырнадцать), и молодые матери легко сошлись на этой почве. Правда, Мэйбл попыталась вернуться к своей работе, но пять лет спустя она родила двойню, и пришлось полностью посвятить себя домашним заботам. Теперь Мэйбл была уверена, что не сможет работать даже простым нотариусом. С тех пор когда она в последний раз открывала справочники по гражданским делам, прошла «чертова уйма лет». Мэйбл была на пять лет старше Глэдис, вот-вот сорок девять, и начинать все с самого начала ей было бы очень и очень трудно. Впрочем, сама Мэйбл не раз заявляла, что не желает «на старости лет» проводить все свободное время в зале судебных заседаний. Единственное, чего ей по-настоящему не хватает, это «умного разговора». В минуту откровенности она как-то призналась Глэдис, что ее положение отнюдь ее не угнетает. Гораздо удобнее не работать, благо

заботы о благосостоянии семьи она свободно могла переложить на плечи мужа, зарабатывавшего неплохие деньги в ежедневных финансовых битвах на Уолл-стрит. И все бы хорошо, но Мэйбл постоянно сжигало изнутри какое-то внутреннее беспокойство, природу которого Глэдис было трудно объяснить.

– Ну что, Глэд? – приветливо спросила Мэйбл, на ходу допивая свой кофе и бросая стаканчик в урну. – Как тебе живется в твоём материнском раю?

– Как обычно. – Глэдис слегка пожала плечами. – Дел по горло.

Они медленно шагали по дорожке вдоль края футбольного поля, и Глэдис, не переставшая следить за игрой, вдруг остановилась, чтобы сделать ещё один снимок. Сэм забил второй гол, но лицо у него было недовольным – его команда проигрывала. Глэдис решила, что этот снимок вряд ли понравится сыну. «Что ж, такова неприкрашенная правда жизни, – подумала она. – Проигрывать тоже надо уметь!»

– Вот закончатся занятия, – продолжила она, опуская фотоаппарат, – и мы все поедем на мыс Код. Кроме Дуга – у него, как всегда, дела, и он присоединится к нам позже.

– А мы, наверное, поедем в июле в Европу, – сообщила Мэйбл, и на мгновение Глэдис испытала приступ зависти, хотя в голосе подруги не прозвучало ничего похожего на воодушевление. Глэдис давно пыталась уговорить мужа совершить путешествие в Старый Свет, однако он неизменно отвечал, что хочет подождать, пока дети станут немного постарше. Все они скоро отправятся в колледж, говорила ему в таких случаях Глэдис, и нам придется ехать одним. Ей так и не удалось убедить Дугласа. За прошедшие семнадцать лет он сделался настоящим домо-седом и не любил уезжать куда-то далеко от дома. Те дни, когда его привлекала романтика палаточных городков, давно миновали.

– Звучит неплохо, – сказала Глэдис, поворачиваясь к Мэйбл.

Две женщины представляли собой резкий контраст. Мэйбл была миниатюрной, очень подвижной, с короткими черными волосами и глазами цвета шоколада. Глэдис, напротив, была высокой, стройной и гибкой, с классическими чертами лица, глазами темно-голубого цвета и длинными золотистыми волосами, которые были заплетены в толстую косу. (Глэдис часто шутила, что и не расплетает ее никогда, некогда расчесывать свою гриву.) Обе были очень красивыми женщинами, и ни одна из них не выглядела даже на сорок.

– А куда именно вы собираетесь ехать? – уточнила Глэдис, не скрывая своего интереса.

– В Италию и Францию. Может быть, заглянем на пару деньков в Лондон... – Мэйбл вздохнула. – Скучиватая программа, но ничего не поделаешь: когда путешествуешь с детьми, волей-неволей приходится придерживаться традиционных маршрутов. Кроме того, Джеффу нравятся лондонские театры. – Она немного помолчала, потом добавила: – Мы уже сняли домик в Провансе – там проведем две недели, а потом – на машине в Венецию.

Глэдис снова вздохнула. Ей это путешествие вовсе не казалось скучным. Во всяком случае, оно было намного интереснее жизни на мысе Код, весьма бедной событиями. Но, как справедливо заметила Мэйбл, дети не оставляли никакой свободы выбора.

– Мы проведем в Европе полтора месяца, – продолжала Мэйбл. – Впрочем, не знаю, сумеем ли мы с Джеффом выносить общество друг друга так долго, не говоря уже о мальчиках. Стоит ему остаться с близнецами хотя бы на десять минут, как он начинает звереть!

Мэйбл всегда говорила о муже в таком тоне, как говорят о надоевшем соседе по комнате в общежитии, каждое движение, слово или поступок которого безмерно раздражают. Но все же Глэдис была уверена, на самом деле Мэйбл любит Джеффа.

– Я уверена, что все вы получите настоящее удовольствие. В Европе есть много такого, что следует увидеть хотя бы раз в жизни, – сказала Глэдис, хотя и понимала, что находиться долгое время в одной машине с двумя девятилетними близнецами и четырнадцатилетним подростком было бы нелегко даже ей.

Мэйбл фыркнула:

– Не сомневаюсь, только мне это уже не интересно. Конечно, в Венеции я могла бы познакомиться с красавцем-гондольером, который пригласил бы меня на ночную прогулку по каналам, но разве это возможно, когда у тебя на шее – трое детей и муж. Он, кстати, все время требует, чтобы я ему переводила! Иногда мне кажется, что Джефф не пропускает ни одного объявления, ни одной похабной надписи на стене – все-то ему надо знать!

Услышав эти слова, Глэдис невольно рассмеялась, но тут же спохватилась и даже покачала головой. Мэйбл любила поговорить о мужчинах, но это еще полбеды. Глэдис знала, что у Мэйбл было несколько далеко не платонических романов. Мэйбл сама рассказывала об этом Глэдис в минуты откровенности, и, говоря по совести, Глэдис не знала толком, как тут реагировать. А заявление Мэйбл, что эти интрижки, как ни странно, укрепили ее брак с Джеффом, повергли Глэдис в настоящее недоумение. Она не понимала, как измена может сделать отношения между супругами более доверительными. Впрочем, ее к подобным эскападам не тянуло; вряд ли Глэдис решилась бы на что-то подобное, даже если бы почувствовала, что их с Дугласом брак дал трещину. Но и легкомыслие Мэйбл она осуждать не могла.

– Может быть, Италия настроит твоего Джеффа на романтический лад, – заметила она, вешая фотоаппарат на плечо, поглядывая с высоты своего роста на маленькую, энергичную, напористую Мэйбл. Именно благодаря своему бурному темпераменту она когда-то блистательно выступала на судебных заседаниях. Глэдис никогда этого не видела, но очень хорошо себе представляла, что творилось в зале суда, когда Мэйбл получала слово. Наверное, она начинала рассыпать искры вокруг себя. Обмануть или ввести ее в заблуждение с помощью полуправды было нелегко даже ее мужу. Она умела быть верной подругой тем, кто относился к ней серьезно и искренно, и, несмотря на все свои жалобы, оставалась заботливой и преданной матерью.

– Даже переливание крови от венецианского гондольера не способно сделать Джеффа Джонса романтиком, – отрезала Мэйбл. – К тому же дети будут с нами все двадцать четыре часа в сутки, так что особенно не разгуляешься. Кстати, ты слышала, что Льюисоны разводятся?

Глэдис кивнула. Обычно она не придавала особого значения сплетням и слухам. Подробности жизни случайных знакомых занимали ее мало.

– Так вот, Дэн пригласил меня на обед! – с плохо скрываемым торжеством заявила Мэйбл, и Глэдис пристально на нее посмотрела.

– Правда? – спросила она, лукаво улыбаясь.

– И нечего на меня так смотреть! – ответила Мэйбл, притворяясь сердитой. – Ему нужно плечо, чтобы выплакаться всласть, к тому же я ведь юрист. Думаю, Дэн не прочь получить от меня пару бесплатных советов.

– Расскажи это кому-нибудь другому, – сказала Глэдис. Все же она была совсем не глупа и кое-что понимала в том, как устроены мужчины. – Уж я-то знаю, что ты всегда нравилась Дэну.

– И он мне тоже нравится, так что с того? Я подыхаю со скуки, а он, бедняжка, ужасно страдает... Ведь его бросили, предали, фактически выставили из дома! К тому же совместный обед – это такая мелочь. Не ложусь же я с ним в постель! Поверь, слушать, как мужик жалуется на то, что жена его оскорбляет и обманывает, вовсе не так увлекательно. Во всяком случае, меня это не возбуждает. А сейчас Дэн ни на что большее просто не способен. Из достоверных источников я узнала, что он все еще надеется помириться со своей Розали. Я слишком себя уважаю, чтобы служить для кого-то запасным аэродромом.

Но Глэдис, внимательно наблюдавшая за Мэйбл, заметила, что ее подруга оживлена больше обычного, словно вопреки своим собственным словам надеялась закончить обед с Дэном в каком-нибудь мотеле. Если верить Мэйбл, то собственный муж уже давно перестал ее интересовать. Глэдис не очень этому удивлялась. Джефф Джонс, несмотря на свои пятьдесят с лишним лет, был все еще хорош собой, не обладал удивительной способностью распростра-

нять вокруг себя скуку. Но Дэн Льюисон?! Нет, это было ей непонятно. Глэдис подумала, что так и не знает, какие мужчины нравятся Мэйбл.

– Чего же ты хочешь? – спросила она напрямик. – Зачем тебе другой мужчина, пусть даже ты собираешься с ним только пообедать? Что тебе это даст?

Она и в самом деле не понимала. У них у обеих были мужья, дети, жизнь, заполненная до предела. Им не грозила праздность – мать всех пороков. И все же Глэдис часто казалось, что в отличие от нее Мэйбл постоянно находится в поиске, постоянно стремится к чему-то неуловимому и неосвязаемо призрачному.

– Почему я не могу пообедать с Дэном? По крайней мере, это придаст моей жизни некоторую остроту. Даже если этот обед будет иметь, гм-м... продолжение, то мир от этого не рухнет. Все останется как было, и только я буду чувствовать себя иначе. Глэд, я снова после таких историй чувствую себя молодой. Разве ты никогда не скучаешь о своей молодости?

Она повернулась к Глэдис и впиалась в ее лицо таким пристальным взглядом, словно перед ней был адвокат противной стороны.

– Не знаю, – честно ответила Глэдис. – Я об этом как-то не думала.

– А следовало бы, – назидательно сказала Мэйбл. – Иначе в один прекрасный день ты сядешь где-нибудь в уголке и задашь себе слишком много вопросов насчет того, кем ты стала, что потеряла и чего не сделала.

Может быть, и так, мысленно согласилась Глэдис. И все же обманывать мужа она не собиралась. Даже для того, чтобы на несколько часов вернуться в молодость.

– Ну, скажи честно, – продолжала допытываться Мэйбл, – неужели ты никогда не скучаешь по той жизни, что была до замужества?

Глэдис снова посмотрела на подругу и наткнулась на ее прямой, ищущий взгляд, требовавший полной откровенности.

– Наверное... – промолвила она, несколько растерявшись. Право же, не было времени думать об этом. – Быть может, мне действительно немного жаль той жизни. Мы с Дугом работали в Коста-Рике и Боливии. Потом я путешествовала по Африке и Азии уже одна. Иногда мне становится не по себе оттого, что я не могу, как прежде, взять фотоаппарат под мышку и отправиться куда-нибудь в джунгли, чтобы снимать, снимать, снимать... Когда-то это так много значило для меня. Неудивительно, что мне теперь этого порой не хватает. Но я нисколько не жалею о мужчинах, которых мне приходилось встречать, – закончила она твердо.

«Покуда Дуг способен ценить, от чего я ради него отказалась...» – мысленно добавила Глэдис.

Мэйбл вздохнула.

– Тогда ты – настоящая счастливица, – сказала она, глядя в пространство, и в глазах ее промелькнуло выражение какой-то непонятной тоски. Впрочем, Мэйбл тут же спохватилась и снова стала прежней – энергичной, напористой и живой Мэйбл. – Кстати, давно хотела тебя спросить, когда ты собираешься вернуться к своей работе? С твоим послужным списком и потрясающими способностями ты могла бы сделать это хоть завтра! Фотоаппарат у тебя есть, чего же еще надо? Ведь фотография – это не юриспруденция, где приходится начинать все с самого начала. Чего ты ждешь?!

– Все не так просто, – ответила Глэдис, качая головой. Она-то хорошо помнила, какая жизнь была у ее матери, которой приходилось подолгу ждать возвращения мужа из какой-нибудь рискованной поездки. Профессия фоторепортера была гораздо труднее и опаснее, чем казалось Мэйбл. Для того чтобы вернуться к ней, Глэдис пришлось бы дорого заплатить – заплатить всем, что у нее было.

– Конечно, – продолжила она, – я могла бы позвонить своему агенту и попросить его забронировать мне место в самолете, который завтра утром вылетает в Боснию. Он будет вне себя от счастья. Но что скажет Дуг?! И дети? Не думаю, чтобы им это понравилось.

При мысли о том, какое лицо будет у Дугласа, когда он найдет на ночном столике записку с объяснениями, куда и зачем она отправилась, Глэдис едва не расхохоталась. Нет, все в прошлом. «Леди Золотой Объектив» больше нет. Кроме того, в отличие от подруги Глэдис не чувствовала никакой необходимости бороться за свою личную свободу и независимость, и уж тем более – бросать ради этого семью. Она любила мужа, любила детей, и они тоже любили ее. Зачем ей что-то кому-то доказывать?

– Когда ты превратишься в желчную, вечно ворчащую старуху, им это понравится еще меньше, – возразила Мэйбл, и Глэдис вопросительно посмотрела на нее.

– Я?! Я стану ворчливой брюзгой? С чего бы это? – удивилась она. Она никогда не чувствовала себя по-настоящему недовольной своей теперешней жизнью. Она твердо знала, что ее дети не будут оставаться детьми вечно. Она еще сможет вернуться к фотографии...

Если, конечно, Дуг ей позволит.

– Думаю, тебе просто надоест все до чертиков, – честно ответила Мэйбл. – Как подчас надоедает мне. Пока ты неплохо справляешься, но ты потеряла гораздо больше, чем я. Я ведь простая адвокатесса, да еще по гражданским делам. Ни особая известность, ни тем более слава никогда мне не грозили. А ты – если бы не дети и не семья – уже давно получила бы Пулитцеровскую премию. Может быть, даже не одну.

– Вряд ли, – скромно сказала Глэдис. – Гораздо более вероятно, что я кончила бы, как мой отец. Ему было всего сорок два года, когда его подстрелил снайпер, а ведь он был гораздо опытнее меня. Опытнее и талантливее. Только благодаря этому он получил своего Пулитцера до того, как его убили. И вообще, фотография – это такое ремесло, которым нельзя спокойно заниматься до глубокой старости. Все хорошие фотографы погибают молодыми или уходят.

– И все же некоторым удастся добиться всего, – возразила Мэйбл. – Я согласна, что быть домашней хозяйкой гораздо безопаснее, чем развезжать по джунглям с фотоаппаратом в руке. Но представь, что мы с тобой доживем до ста лет. Что, вот так до ста лет и возиться с кастрюльками, убирать, чистить, мыть? И кто вспомнит о нас, когда мы умрем? Только муж и дети!

– Может быть, этого достаточно, – негромко сказала Глэдис. Мэйбл задавала ей те самые вопросы, которые сама Глэдис не осмеливалась задавать себе, хотя ей не раз приходило в голову, что за четырнадцать лет она не сделала ничего по-настоящему стоящего. Глэдис даже пыталась поговорить об этом с Дугласом, но он ответил, что при одном воспоминании о том, каким опасностям они подвергались, когда были в Корпусе мира, у него до сих пор мороз по коже. Он не желает, чтобы его жена подставляла голову под пули.

– Разве моя работа может как-то изменить мир? – медленно сказала Глэдис. – По-моему, нет никакой особенной разницы, кто снимает голодающих в Эфиопии или раненых в Боснии. Большинству людей это безразлично. Зато то, что я делаю для семьи, небезразлично мне и моим детям. И иногда мне кажется, что это важнее, чем все премии в мире.

В эти минуты Глэдис сама верила в то, что говорила, но Мэйбл с сомнением покачала головой.

– Может быть – важнее, а может быть, и нет, – сказала она с неожиданной резкостью. – Ведь пока ты носишься с градусниками и варишь кашку на молоке, кто-то другой делает снимки, которые должна была сделать ты!

– Ну и пусть! – ответила Глэдис серьезно. – Мне не жалко. Еще не факт, что я сумела бы сделать эти фотографии лучше.

– Во-первых, сумела бы... А во-вторых, почему все удовольствие должно доставаться другим? Ты что, хуже? Почему ты до скончания веков должна вытирать с пола разлитый яблочный сок, если с помощью своего фотоаппарата ты способна делать настоящие чудеса? Пусть домашней рутинной работой хотя бы для разнообразия займется кто-то другой. Какая, в конце концов, разница? Ведь сидеть за баранкой машины, загружать в мойку тарелки и разогревать полуфабрикаты в микроволновой печи можно научить даже медведя!

– Я думаю, разница есть, и в первую очередь она касается моих детей и моего мужа, – возразила Глэдис. – Что за жизнь у них будет, если я уеду куда-то за тридевять земель? Пусть даже им будет готовить самый лучший повар из самого лучшего ресторана, у них кусок не полезет в горло, если они будут знать, что, пока они ужинают, я лечу на легкой двухместной «вертушке» над бушующим океаном или лежу в грязи под обстрелом в какой-нибудь треклятой заварушке в Африке. В этом-то вся разница, Мэйбл, и согласись, что разница очень большая.

– Ну, не знаю... – Мэйбл с несчастным видом пожала плечами. – В последнее время я постоянно думаю о том, что со мной происходит, во что я превратилась и почему я обязана исполнять работу, которая ничего не дает ни уму, ни сердцу и давно мне надоела. Может, мне нужно просто ненадолго сменить обстановку, и все пройдет, а может... Может быть, я боюсь, что никогда уже не полюблю и никогда мое сердце не ухнет куда-то в пустоту и не начнет колотиться как сумасшедшее при виде мужчины, который сидит за столом напротив. Мысль о том, что еще бог знает сколько лет мы с Джеффом будем каждое утро смотреть друг на друга и думать про себя: «О'кей, он, конечно, не идеал, но раз уж мне досталось такое сокровище, придется терпеть», – буквально сводит меня с ума!

Для двадцати двух лет брака это был поистине печальный итог, и Глэдис почувствовала, как ее пронзила острая жалость.

– Брось, ты сама знаешь, что все не так уж плохо.

Глэдис искренне надеялась, что у подруги просто дурное настроение. Чего иногда не скажешь сгоряча. Было бы по-настоящему ужасно, если бы Мэйбл говорила правду.

– Конечно, мы еще не дошли до того, чтобы швырять друг в друга тарелками, но... – Мэйбл как-то подозрительно шмыгнула носом. – Большую часть времени все нормально – так нормально, что хоть вой от тоски! Если бы ты знала, какой Джефф скучный тип! И наша жизнь... она тоже скучная и серая, а через десяток лет, когда мне стукнет шестьдесят, она станет еще скучнее. Что мне тогда делать? Отравиться? Повеситься? Броситься с моста?

– Я думаю, что путешествие в Европу, которое вы задумали, поможет вам обоим, – дипломатично заметила Глэдис. – Ты сама только что говорила, что тебе нужно сменить обстановку.

В ответ Мэйбл только дернула плечом.

– Я в этом очень сомневаюсь, поскольку моя обстановка последует вслед за мной – ведь Джефф и мальчики все время будут рядом, и мне по-прежнему придется о них заботиться. Разве что готовить я не буду, да за рулем меня может сменить Джефф. В остальном же Италия мало чем отличается от нашего пригорода.

– Но, может быть, Джефф... – начала Глэдис, но Мэйбл перебила ее.

– Однажды мы уже ездили в Европу, и Джефф постоянно брюзжал, что французы не умеют водить, что итальянцы не желают ничего знать, кроме своих макарон, и что они загадили в Венеции все каналы. Особенно его раздражает, что там мало кто говорит по-английски и ему приходится объясняться знаками, если меня нет поблизости. Согласись, Глэд, что его вряд ли можно назвать романтиком!

Глэдис знала, что двадцать два года назад Мэйбл вышла замуж за Джеффа, потому что была беременна, но ребенка она тогда потеряла и долго не могла забеременеть вновь. Семь лет она безуспешно пыталась завести ребенка. За это время Мэйбл сделала неплохую карьеру в своей адвокатской конторе. Но, добившись первого, она потеряла второе, потеряла, видимо, навсегда, так что по большому счету жизнь обошлась с ней гораздо круче, чем с Глэдис.

– Вероятно, – добавила Мэйбл задумчиво, – обедая с другими мужчинами и, гм-м... встречаясь с ними потом, я пытаюсь вернуть себе то, чего Джефф так и не смог мне дать. Мне почти пятьдесят, но я все ищу что-то, на что мой собственный муж оказался не способен.

Тут Глэдис подумала, что романы, которые Мэйбл заводила на стороне, лишь еще больше усиливали ее недовольство собственным положением. Иначе и быть не могло, если допустить, что Мэйбл ищет что-то не существующее на свете или заведомо не доступное ни ей, ни

Джеффу. Ведь признаться себе, что определенная страница твоей жизни закрыта раз и навсегда, нелегко. Дуглас тоже давно не являлся к ней с корзиной роз, однако Глэдис не делала из этого трагедии. Она просто подходила к ситуации разумно и не ожидала от мужа подобных экстравагантных поступков, которые, строго говоря, никогда не были в его характере. Зато между ними было что-то другое, что порой согревало ей сердце сильнее, чем самые дорогие подарки.

– Может быть, никто из нас уже никогда не потеряет голову от любви, но это вовсе не значит, что жизнь кончена, – рассудительно сказала Глэдис, однако эти слова неожиданно привели Мэйбл в ярость.

– Чушь! – почти выкрикнула она. – Чушь и бред! Если бы я так считала, я бы, наверное, умерла. Почему, почему я не могу влюбиться? И почему никто не может влюбиться в меня? Потому, что мне пятьдесят? Потому, что у меня трое детей? Почему?! Право на любовь есть у женщины в любом возрасте. Знаешь, почему Розали ушла от Дэна Льюисона? Потому, что по уши влюблена в Гарольда Шлезингера. И он тоже без ума от нее и даже готов жениться на Розали. Именно поэтому Дэн так бесится.

Брови Глэдис от удивления поползли вверх.

– Ах вот, значит, почему Гарольд бросил свою жену! – вырвалось у нее, и Мэйбл утвердительно кивнула.

– Похоже, я действительно перестала замечать кое-что из того, что творится вокруг, – смущенно проговорила Глэдис. – И как это я не подумала, что...

– Все очень просто. Ты самая чистая и целомудренная из нас всех, – поддразнила ее Мэйбл. – Образцовая хозяйка и верная жена. Таких, как ты, у нас запирают в национальные заповедники, и лишь миссис Тейлор по недосмотру властей осталась на свободе.

Это, конечно, была шутка, но в словах Мэйбл Глэдис почудились горькие нотки. Она знала подругу достаточно хорошо, знала, что может в трудные минуты положиться на нее, и сама готова была протянуть руку помощи, если Мэйбл будет в ней нуждаться, но еще никогда они не разговаривали так откровенно. Глэдис знала, что Мэйбл время от времени спит с понравившимися ей мужчинами, но она никогда не упрекала ее, хотя и не понимала, зачем ей это нужно. И вот теперь, кажется, кое-что стало проясняться. Похоже, в душе Мэйбл образовалась пустота, которую ничто не могло заполнить.

– Значит, этого ты хочешь? Бросить Джеффа и уйти к другому мужчине? – спросила она. – И что от этого изменится?

– Возможно – ничего, – согласилась Мэйбл. – Именно поэтому я до сих пор не «ушла к другому мужчине», как ты выражаешься. Кроме того, я, кажется, все еще немножко люблю Джеффа. Мы с ним большие друзья, только... только он меня не возбуждает.

– Не разумнее ли будет оставить все как есть? – спросила Глэдис, раздумывая над тем, что она только что услышала. «Большие друзья» – это надо же!.. – Интерес, желание – все это когда-то у меня было, но я больше в этом не нуждаюсь, – закончила она так твердо, как будто старалась убедить не подругу, а себя.

Но Мэйбл приняла ее слова без возражений.

– Если это действительно так, то тебе очень повезло, – сказала она.

– Нам обеим повезло, – убежденно сказала Глэдис, желая хоть как-то успокоить Мэйбл и заставить ее трезво взглянуть на вещи. Глэдис отнюдь не была уверена, что обед с Дэном Льюисоном – или с любым другим мужчиной – был правильным решением. Сначала ресторан, потом – придорожный мотель где-нибудь на полдороге между Гринвичем и Уэстпортом, а что потом? Все то же самое с кем-то другим? Но до каких пор?

Сама Глэдис даже представить себе не могла, что когда-нибудь изменит Дугу с другим женщиной. И после семнадцати лет брака она не хотела никого другого. Глэдис любила мужа и была очень довольна тем, как складывается их совместная жизнь. Во всяком случае, тех слабых сомнений, что изредка у нее появлялись, было недостаточно, чтобы что-то радикально менять.

– И все-таки я считаю, что ты распорядилась своим талантом, мягко скажем, не лучшим образом, – снова поддела ее Мэйбл, прекрасно знавшая, где у Глэдис самое слабое место. Лишь раздумывая о своей прерванной карьере, она осмеливалась задавать себе требующие неприятных ответов вопросы. – Тебе необходимо как можно скорее вернуться в фотографию, пока твои реактивы не протухли и сама ты не покрылась плесенью. Иначе когда-нибудь ты очень об этом пожалеешь.

Мэйбл всегда говорила, что у Глэдис – настоящий, большой талант и что зарывать его в землю – преступно. И хотя Глэдис совершенно искренне не считала себя гением, но все же она была способна реально оценить свои силы. И конечно, иногда ей становилось немного жаль, что столько лет потеряно для работы. В таких случаях она обычно говорила, что если захочет, то сможет вернуться к своей профессии несколько позднее, когда дети еще немного подрастут. Пока же у нее попросту не хватало времени, чтобы сделать хотя бы небольшой репортаж.

Однако это была только часть правды. Другая ее часть заключалась в том, что Глэдис старалась лишний раз не злить Дуга, который ужасно раздражался, стоило ей только завести разговор о карьере.

– Кстати, – решила отшутиться она, – если я снова стану фотографом и начну разъезжать по всему миру, ты того и гляди начнешь обедать с Дугом!

При этих ее словах обе рассмеялись, и Мэйбл отрицательно покачала головой.

– За это можешь не бояться, подруга. Твой Дуг – единственный мужчина, которого я считаю еще большим занудой, чем Джефф.

Глэдис снова фыркнула:

– Гм-м, будем считать, что я выслушала комплимент в адрес собственного мужа, хотя звучит он несколько сомнительно.

Тут она задумалась. Дуглас – ее Дуглас – действительно уже давно не принадлежал к числу мужчин, которых можно было бы назвать покладистыми или легкими в общении. Что да, то да, но он все равно был хорошим мужем и прекрасным отцом. И ничего другого Глэдис от него не требовала. Она сразу и навсегда отказалась от рискованных авантур и романтических походов, которые продолжали увлекать некоторых ее подруг; возможно, именно поэтому Глэдис удавалось неплохо уживаться с собственным мужем, рядом с которым Мэйбл, по ее собственным словам, «сдохла бы со скуки».

Но высказать все это она не успела. Прозвучал свисток, матч закончился, и через считанные секунды возле них очутились Сэм и близнецы Мэйбл.

– Отличная игра, сын! – сказала Глэдис, широко улыбаясь Сэму, чье раскрасневшееся лицо все еще блестело от пота. В глубине души она была рада, что обстоятельства помешали продолжить разговор, начинавший ее тяготить. «И почему, – снова задумалась Глэдис, – каждый раз, когда мы с Мэйбл встречаемся, мне приходится защищать себя и свой брак?»

– Но, мама, мы же проиграли!.. – возмутился Сэм, однако это не помешало ему обхватить ее обеими руками и обнять так крепко, что Глэдис всерьез испугалась за сохранность фотоаппарата, висевшего у нее через плечо.

– Но ведь ты получил удовольствие, правда? – спросила она, целуя сына в макушку. От волос Сэма все еще шел запах, который она так любила – запах свежего воздуха, шампуня и солнечного света. В представлениях Глэдис, это был настоящий запах детства.

– В общем, да, – с готовностью согласился Сэм. – И потом, я забил два гола! Ты видела, мам? Скажи, видела?!

– Конечно, видела, – улыбнулась Глэдис. – Значит, игра удалась, не так ли?

Сэм кивнул, и все вместе они медленно пошли дальше вдоль края поля, направляясь к автостоянке. Близнецы Мэйбл собирались в город есть мороженое, и Сэм захотел к ним присоединиться.

– Мы не можем, – покачала головой Глэдис. – Нам еще надо успеть забрать из школы Эйми и Джейсона.

Сэм разочарованно застонал, но Глэдис была непреклонна. Прощально махнув рукой Мэйбл и ее мальчикам, она села за руль своего семиместного универсала, который они между собой называли автобусом. Собственно говоря, это и был небольшой микроавтобус, только последние четыре сиденья были сняты, чтобы освободить место для багажа.

Сэм тут же стал переодеваться, а Глэдис снова задумалась. Да, поговорили весьма откровенно. Судя по всему, Мэйбл еще не утратила умения эффективно вести перекрестный допрос.

Заводя мотор, Глэдис бросила взгляд в зеркало заднего вида, в котором отражалась мордашка Сэма. Сын выглядел усталым, но довольным. На щеках темнели грязные разводы, светлые волосы были растрепаны и торчали во все стороны, а локти были зелеными от травы. «Вот и ответ, – усмехнулась Глэдис. – Вот почему я не скитаюсь по южноамериканской сельве или австралийскому бушу. Я нужна моим детям, а они нужны мне. Что с того, что жизнь иногда кажется мне немножечко скучной?»

Заехали в школу за Эйми и Джейсоном и все вчетвером вернулись домой. Джессика тоже только что вернулась – на кухонном столе валялись высыпанные из сумки учебники и стоял наполовину пустой пакет из-под картофельных чипсов. Пес вертелся под ногами, радостно лаял и вилял хвостом, а на втором этаже гремела включенная на полную мощность музыка. Это и была жизнь, которую Глэдис сама для себя выбрала. Фотография подождет. Мыслимо ли, бросить Дуга и детей на произвол судьбы, чтобы отправиться вокруг земного шара в поисках сногшибательных сюжетов? Нет, это все равно что сидеть сразу на двух стульях. Всем известно, чем кончаются подобные попытки.

– Что у нас на ужин? – громко спросил Джейсон, стараясь перекричать музыку и громкий лай собаки. Он посещал секцию легкой атлетики и постоянно умирал от голода.

– Бумажные салфетки и мороженое, если только вы не уберетесь из кухни и не дадите мне пять минут, чтобы все приготовить, – быстро ответила Глэдис.

Джейсон стащил со стола яблоко и, схватив собаку за ошейник, выволок ее из кухни. Услышав, как хлопнула дверь, Глэдис улыбнулась. Джейсон, как две капли воды походивший на своего отца, рос спокойным и покладистым мальчиком. Он отлично учился, занимался спортом и никогда не причинял родителям беспокойства. Только в прошлом году он открыл для себя, что в мире существуют девочки, однако до сих пор самым большим его достижением на этом поприще было несколько робких телефонных звонков. Договориться с ним, во всяком случае, было гораздо проще, чем с его четырнадцатилетней сестрой. Глэдис в шутку говорила, что та непременно станет адвокатом по урегулированию трудовых споров. Джессика бросалась на защиту каждого, кого, по ее мнению, притесняли, и не боялась спорить даже с матерью, до конца отстаивая свое мнение. Глэдис это нравилось.

– Ну-ка, брысь! – прикрикнула она на пса, который снова просунул голову в кухонную дверь, и повернулась к холодильнику. Открыв морозильник, Глэдис ознакомилась с его содержимым и виновато вздохнула. На этой неделе они уже дважды ужинали гамбургерами и один раз – мясным рулетом, а больше ничего в морозильнике не оказалось. Увы, в кулинарии Глэдис была не то чтобы полным профаном, но воображения ей часто не хватало. К концу учебного года ее фантазия истощалась полностью. Слава богу, на носу было лето, когда дети питались в основном мороженым, соками и хот-догами.

Наконец, о счастье, Глэдис обнаружила в дальнем углу холодильника упаковку замороженных цыплят, которую тут же засунула в микроволновку, а сама принялась чистить кукурузу. Пока ее руки делали привычную механическую работу, она снова мысленно вернулась к разговору с Мэйбл. И все же жалеет она о своей карьере или нет? Ерунда! Вспоминая свою очаровательную четверку, Глэдис ни секунды не сомневалась, что не могла бы отказаться от

детей ради карьеры. А раз так, значит, она в ответе перед детьми и мужем, и если Мэйбл считает ее скучной, что ж... дело десятое.

Глэдис дочистила последний початок и, засыпав кукурузу в кастрюлю с кипящей водой, достала из микроволновки разморожившихся цыплят. Посыпав их солью и полив майонезом, она отправила их обратно и удовлетворенно вздохнула. Ей оставалось только отварить рис, нарезать салат, и – оп-ля! – ужин на всю ораву готов. За четырнадцать лет Глэдис научилась-таки готовить быстро. Правда, она никогда не баловала детей разносолами, зато простая и здоровая пища всегда была готова у нее вовремя.

Она уже накрывала на стол, когда с работы вернулся Дуг. У него на фирме была горячая пора, поэтому в последнее время он возвращался домой в семь или чуть позже. Таким образом – считая дорогу туда и обратно, – Дуг проводил вне дома около двенадцати часов, однако он никогда не жаловался и не ворчал, неизменно возвращаясь к семье в хорошем настроении. Вот и сейчас он швырнул на стул кейс и, чмокнув воздух в районе уха Глэдис, полез в холодильник за банкой кока-колы.

Глэдис с улыбкой посмотрела на него.

– Как дела? – спросила она, поправляя выбившиеся из прически пряди золотистых волос, обрамлявших ее лицо. Глэдис, к счастью, почти не приходилось следить за своей внешностью. У нее были классические, тонкой лепки черты лица, здоровая гладкая кожа и стройная фигура, благодаря которой она выглядела лет на тридцать пять, не больше. Толстая золотая коса, свисавшая на спину, тоже очень шла ей и делала ее моложе – как и свитера, майки и джинсы, которые она в последние годы носила почти постоянно.

Прежде чем ответить, Дуг открыл колу и сделал большой глоток прямо из банки.

– Неплохо, – рассеянно сказал он. – Впрочем, ничего интересного, все как обычно... Сегодня у меня была встреча с новым клиентом.

Глэдис кивнула. У Дуга на работе действительно почти никогда не происходило ничего такого, о чем стоило бы рассказать. Если же возникали какие-то проблемы или неприятности, то она не оставалась в неведении.

– А как ты провела день?

– Была с Сэмом на футболе, сделала там несколько снимков, может выйти удачно. Все как всегда...

Все как всегда... Произнеся эту фразу, Глэдис невольно вспомнила Мэйбл. Ну да, немного скучно, ничего особенного не происходит – с этим Глэдис не могла не согласиться. Но, право же, трудно ожидать чего-то другого. Жить в тихом Коннектикуте и воспитывать четырех детей – что может быть прозаичнее? И все же Глэдис была убеждена, что бороться со скукой так, как это делала Мэйбл, не стоило. В конце концов, она обманывала не только мужа, но и себя. Даже в первую очередь себя, поскольку обеды с чужими мужьями на самом деле ничего не меняли.

– Как насчет того, чтобы поужинать завтра вдвоем в «Ма Пти Ами»? – неожиданно предложил Дуг, когда Глэдис позвала детей к столу.

– О, мне бы очень хотелось! – ответила Глэдис. Больше ничего она добавить не успела, поскольку дверь распахнулась. Тайфун, ураган, самум, вместе взятые, казалось, ворвались в нее. Рассаживаясь вокруг стола, четверо детей наперебой рассказывали ей и друг другу о том, как прошел их день, о своих друзьях, достижениях, неудачах, жаловались на учителей и на то, сколько им задают. Эйми трижды повторила сплетню о том, что Джессике звонил какой-то новый мальчик, причем – судя по голосу – из старшекласников. Джессика, не желая оставаться в долгу, пыталась отправить сестру вон, так как она якобы не вымыла руки после того, как гладила собаку. Джейсон, по временам исполнявший роль семейного клоуна, едко комментировал каждую реплику сестер, а Сэм, преодолев усталость, хвастался своими спортивными

успехами и при этом так размахивал руками, что Глэдис пришлось убрать от него подальше графин с томатным соком.

Непривычный человек не выдержал бы в этом гаме и пяти минут, но в доме Глэдис все ужины проходили в подобном ключе, поэтому она только улыбалась, как индеец под пытками, и даже вставляла по ходу дела кое-какие замечания, не переставая при этом разливать сок и чай, накладывая новые порции и убирать пустые тарелки.

После ужина Эйми и Джессика помогли Глэдис убрать со стола и ушли к себе. Джейсон устроился в гостиной, чтобы посмотреть последние новости по телевизору, а Сэм, утомленный своими спортивными подвигами, неожиданно рано попросился спать. Уложив его, Глэдис велела остальным детям тоже готовиться ко сну и поднялась в спальню, где ее ждал Дуг.

– С этими детьми не соскучишься, – заметил он, на секунду оторвавшись от каких-то бумаг. – Сегодня тебе пришлось тяжелее, чем обычно, не так ли?

В его манере говорить было что-то успокаивающее, умиротворяющее – Глэдис подметила это еще в самом начале их знакомства. Достаточно было Дугу сказать всего несколько слов, и Глэдис начинала чувствовать, что перед ней человек солидный и серьезный, привыкший обдумывать каждый свой шаг. Между тем лицо у него всегда было чуть-чуть мальчишеским и даже сейчас, в сорок пять лет, не утратило задорного выражения. Он оставался подтянутым, спортивным, и Глэдис нравилось думать, что ее муж похож на знаменитого футболиста, хотя Дуг сам преуспел только в теннисе, да и то в студенческие годы, когда играл за сборную колледжа. Волосы у него были густыми и темными, глаза – карими, подбородок – упрямым и волевым, и Глэдис по-прежнему считала его весьма привлекательным. Пусть себе Мэйбл находит Дугласа Тейлора скучным. Может, оно и к лучшему.

Подобрав ноги, Глэдис уселась напротив него в большое мягкое кресло и снова подумала о том, что с тех пор, как она встретила его в одной из миссий Корпуса мира, Дуглас почти не изменился. Он как будто с самого начала был устроен так, чтобы стать для нее идеальным мужем. Дуг был верным, спокойным, нежным, и даже если чего-то от нее и требовал, то его требования всегда были справедливыми. Таким он и остался, и все же Глэдис внезапно показалось, что в нем чего-то не хватает.

Присмотревшись повнимательнее, она поняла, в чем дело. Озорной огонек в глазах, который пленил ее семнадцать лет назад, погас! Теперь его глаза – эти два зеркала души, если верить когда-то давным-давно прочитанному ею русскому писателю, – потускнели. А раньше-то, раньше! Они поблескивали, точно две спелые глянцевиные вишни, прячущиеся от солнца под зеленым листом. Как грустно... Но Глэдис, стремясь как-то сгладить неприятное впечатление от своего открытия, тут же напомнила себе, что в остальном Дуглас остался таким же, как был, – верным, надежным и заботливым. Главное, Дуг не похож на ее отца. Своего отца Глэдис, разумеется, любила, но она не хотела бы иметь мужа, который постоянно рискует жизнью ради собственного удовольствия. А именно таков был Джек Уильямс. На театре военных действий он чувствовал себя как дома, а вернувшись к семье, начинал томиться и вскоре отправлялся в очередную далекую поездку. В конце концов он погиб, оставив им в утешение могилу на одном из кладбищ Нью-Йорка, и Глэдис была рада, что все кончилось именно так. Было бы гораздо хуже, если бы отец пропал без вести, ибо для ее матери – да и для нее самой тоже – это обернулось бы годами напрасных ожиданий и обманутых надежд.

Дуглас, к счастью, был совсем другим. Глэдис твердо знала, что в трудную минуту Дуглас всегда будет рядом.

– Мне показалось, что сегодня вечером дети были как-то уж очень возбуждены, – сказал Дуг, не поднимая головы от бумаг. – Что-нибудь случилось?

– Не думаю. Наверное, они просто радуются, что учебный год кончается, и предвкушают поездку на мыс Код. Нам всем давно пора проветриться, – добавила Глэдис, имея в виду в

первую очередь себя. К концу года ей до последней степени надоедало мотаться на машине туда-сюда.

– Жаль, но мне вряд ли удастся взять отпуск раньше августа, – проговорил Дуг, в задумчивости проводя рукой по волосам. Он вкратце объяснил положение дел. Обстановка на рынке требовала дополнительных маркетинговых исследований, к тому же с двумя крупными клиентами, недавно обратившимися в фирму, тоже надо было кому-то работать, а из опытных людей в строю остался только он: двое старших менеджеров внезапно заболели, а один попросил расчет.

– Действительно, жаль, – просто сказала Глэдис. – Знаешь, я сегодня встретила Мэйбл. Они с Джеффом собираются в Европу на полтора месяца.

Она хорошо знала, что заговаривать об этом с Дугом бесполезно – во-первых, однажды он уже совершенно недвусмысленно высказался по этому поводу, а переубедить его было практически невозможно, а во-вторых, менять их планы на лето было все равно уже поздно. И все же она не удержалась и добавила:

– Вот было бы здорово, если бы будущим летом мы тоже смогли поехать!

– Давай не будем начинать все сначала! – брюзгливо отозвался Дуг. – Я впервые попал в Европу только после того, как закончил колледж. Наши дети тоже вполне могут подождать пару лет – их это не убьет. Кроме того, для такой большой семьи, как наша, подобная поездка обойдется довольно дорого.

– Но мы, наверное, могли бы себе это позволить, Дуг, – возразила Глэдис. – Во всяком случае, я не могу говорить детям, что нам это не по карману, ведь это будет неправдой!

Она не осмелилась напомнить ему о том, что ее родители чуть не с младенческого возраста возили ее по всему миру. Отец Глэдис – куда бы он ни отправлялся по заданию редакции – обязательно вызывал к себе жену, когда у нее был отпуск. Таким образом уже к пятнадцати годам Глэдис объездила чуть ли не весь мир. Эти совместные путешествия были незабываемы. Ей очень хотелось, чтобы и детей тоже объединяло нечто подобное.

– Мне нравилось путешествовать с родителями, – робко промолвила она наконец, и взгляд Дугласа сразу же стал колючим.

– Если бы у твоего отца была нормальная работа, ты тоже не попала бы в Европу так рано, – раздраженно бросил он. Дуг очень не любил, когда Глэдис начинала, по его собственному выражению, «давить» на него.

– Ты не прав, Дуг! У моего отца была нормальная работа, не хуже и не лучше других, – возразила Глэдис. – Во всяком случае, он работал больше, чем мы с тобой.

«Чем ты сейчас», – хотелось ей добавить, но она сдержалась. Джек Уильямс был в этом отношении совершенно удивительным человеком. Он обладал колоссальной трудоспособностью и безграничным терпением, что в конечном итоге и помогло ему добиться столь многого. Пулитцеровская премия – не шутка! Впрочем, Дуглас предпочитал об этом не вспоминать, и Глэдис это очень задевало. Ей казалось, что Дуг ни во что не ставит карьеру ее отца только потому, что он добился успеха не за столом, заключая и подписывая контракты, а путешествуя по всему миру с фотокамерой в руках. Для Дугласа это действительно не было работой или, по крайней мере, – серьезной работой. «Детские игрушки» – так пренебрежительно говорил он о карьере Джека Уильямса, и ему было наплевать, что, играя в эти «игрушки», отец Глэдис получил престижную премию и потерял жизнь.

– Твоему отцу здорово повезло, и ты не можешь этого не понимать, – продолжал Дуг. – Ему платили за его хобби, и платили неплохо. Ездить за счет издательств по разным экзотическим странам и смотреть на людей – разве это работа? Один удачный снимок – и тысяча долларов у тебя в кармане... Это ты называешь работой? Нет, Глэдис, то, чем занимался твой отец, нельзя и сравнить с тем, чем занимается большинство нормальных людей.

– Чем же оно занимается, это большинство? – тихо спросила Глэдис.

– Нормальные люди каждый день ходят на работу и корпят над документами, – отрезал Дуг, слегка подчеркнув голосом первое слово. – И при этом им еще приходится считаться с политикой, конъюнктурой мирового рынка и со всякой чепухой!

В глазах Глэдис вспыхнул огонек, который должен был послужить Дугласу предостережением, но он его не заметил. Между тем гнев Глэдис объяснялся не только тем, что Дуг унизил ее отца, перед которым она преклонялась, но и тем, что при этом он унижительно отозвался и о ее карьере, словно забыв о том, кем была Глэдис до того, как они поженились.

– Я считаю, что то, чем занимался мой отец, намного труднее и опаснее, чем просиживать штаны в офисе, и называть его работу «хобби» это... это... пощечина, вот что это такое!

Пощечина ее отцу и ей самой – вот что подразумевала Глэдис, и ее глаза запылали, как два костра.

– Что это на тебя нашло? – удивился Дуглас. – А-а... понимаю. Наверное, Мэйбл опять сорвало с якорей и она пошла куролесить!

Да, Мэйбл действительно сыграла тут определенную роль – с этим Глэдис не могла не согласиться. Ее подруга всегда была таким возмутителем спокойствия, и Дуг знал эту ее особенность по рассказам самой Глэдис. Но в данном случае дело было не в Мэйбл, а в том, что Дуг сказал о ее отце. О нем и о ней самой.

– Мэйбл тут ни при чем, – заявила Глэдис. – Просто я не понимаю, как ты можешь так говорить о моем отце, ведь он получил Пулитцеровскую премию – высшую журналистскую награду! По-твоему, все его достижения заключались в том, что он сделал пару удачных снимков взятой напрокат «мыльницей» и сумел выгодно их продать?

– Ты слишком упрощаешь. – Дуглас досадливо поморщился. – Но согласишься, что твой отец был просто фотограф. Он не руководил ни заводами «Форда», ни корпорацией «Дженерал моторс», ни «Майкрософтом». Я допускаю, что у него был талант, но и ты согласишься, что во многом ему просто везло. И если бы сегодня он был жив, он наверняка сказал бы тебе то же самое. Такие парни, как он, обычно очень любят похвастаться своим везением!

– Ради бога, Дуг, прекрати! Какую чушь ты несешь! Может, ты думаешь, что и мне «просто везло»?

– Нет, – спокойно ответил Дуг, успевший овладеть собой настолько, что на лице его не отражалось даже тени недовольства из-за того, что размолвка с женой случилась именно сейчас – в конце длинного и нелегкого для обоих дня. Он продолжал недоумевать, что такое случилось с Глэдис? Быть может, это дети вывели ее из равновесия, а может, во всем виновата эта невыносимая Мэйбл? Дуг всегда ее недолюбливал, поскольку в ее присутствии отчего-то начинал ощущать странную неловкость. Мэйбл постоянно на что-то жаловалась – на детей, на жизнь, на мужа, и Дуг в конце концов решил, что она плохо влияет на его жену.

– Нет, я так не думаю, – повторил он. – Просто я считаю, что ты делала это в свое удовольствие. Фотография – отличный предлог, чтобы ездить, куда хочешь, делать, что хочешь, словом – потакать своим капризам. Но некоторые люди в конце концов взрослеют, а некоторые так и остаются большими детьми. Ты занималась фотографией несколько лет, и, на мой взгляд, этого вполне достаточно.

– Если бы я не бросила фотографию, – запальчиво воскликнула Глэдис, – сейчас я, быть может, тоже бы получила «Пулитцера»! Это тебе в голову не приходило?

И она в упор посмотрела на Дуга. В то, что она тоже могла получить Пулитцеровскую премию, Глэдис не очень-то верилось, однако чем черт не шутит! Исключать эту возможность она не собиралась – ведь она никогда не считала себя ни неумехой, ни бездарью. К тому же несколько премий и призов Глэдис уже получила, и кто знает, к чему бы она в конце концов пришла, если бы не бросила фотографию, чтобы стать домашней хозяйкой!

– Ты действительно так считаешь? – удивленно переспросил Дуглас. – Значит, ты жалеешь, что оставила фотожурналистику? Ты *это* хотела мне сообщить?

– Нет... То есть не совсем. Я никогда ни о чем не жалела, но фотография не была для меня ни хобби, ни капризом. Я занималась ею серьезно, и мне удалось кое-чего достичь. И до сих пор я... – Дуг посмотрел на нее, и Глэдис осеклась. Он просто не понимает, о чем она говорит. Дуглас по-прежнему был убежден, что для нее фотография была увлекательной игрой, которой Глэдис предавалась прежде, чем выйти замуж и зажить нормальной, взрослой жизнью. Но для Глэдис ее ремесло никогда не было забавой. Занимаясь фотографией, она действительно получала удовольствие, но никогда бы она не стала ради забавы рисковать жизнью. В ее биографии были моменты, когда она сознательно подвергала себя опасности, чтобы сделать хороший снимок. Это было дело ее жизни.

– Дуг, ты... ты говоришь так, словно то, чем я занималась, было для тебя просто блажью, капризом избалованной девчонки. Но ведь это не так! Неужели ты не видишь?! – Для нее было очень важно, чтобы Дуг понял... Если бы он признал, что она действительно занималась настоящим делом и что он тоже жалеет, что ей пришлось все бросить ради семьи, тогда все утверждения Мэйбл потеряли бы всякий смысл. Но если Дуг уверен, что работа, которой она пожертвовала, была хобби, капризом и бог знает чем еще, тогда... Тогда действительно получается, что четырнадцать лет назад она совершила большую ошибку.

– Ну, вижу, ты неадекватно реагируешь на самые простые и очевидные вещи, – возразил Дуг. – Я только хотел сказать, что фотожурналистика и бизнес – это две совершенно разные вещи. Фотография не требует ни образования, ни самодисциплины, ни умения логически мыслить. Она...

– Конечно, фотография не может сравниться с бизнесом. Быть фотографом гораздо, гораздо труднее, чем простым клерком! – выпалила Глэдис. – Когда работаешь в таких местах, как я и мой отец, твоя жизнь каждую минуту подвергается смертельной опасности, и, если не быть постоянно настороже, легко можно погибнуть. Неужели ты и теперь скажешь, что работа фотожурналиста легче, чем работа клерка, который по шесть часов в день перекладывает с места на место никому не нужные бумажки?

– Ты, кажется, намекаешь, что из-за меня отказалась от блестящей карьеры, которая могла принести тебе славу и богатство? Стало быть, я со своим эгоизмом помешал тебе стать знаменитым фотографом? – Дуг саркастически усмехнулся, но Глэдис видела, что он удивлен – по-настоящему удивлен. – И что мне теперь делать? Валяться у тебя в ногах, вымаливая прощение, или посыпать голову пеплом в знак того, что я скорблю об этой потере вместе со всем прогрессивным человечеством?

– Разумеется, нет, но мне казалось, что будет только справедливо, если ты хотя бы признаешь: то, чем я занималась, не было ни чепухой, ни капризом. Я действительно отказалась от многообещающей карьеры. Ты говоришь о моей работе так, словно это действительно была прихоть, отказаться от которой мне ничего не стоило. А между тем с моей стороны это была жертва, и немалая!

Она пристально посмотрела на него, стараясь угадать, что произойдет теперь, после того как она открыла этот ящик Пандоры. Увы, было совсем не похоже, чтобы Дуглас изменил свое мнение о фотографии вообще и о ее карьере в частности.

– Значит, – сказал он, отставив в сторону банку кока-колы, из которой сделал несколько плотков, – ты жалеешь о том, что принесла эту, как ты выразилась, «жертву»?

– Нет, не жалею, – ответила Глэдис без колебаний. – Но я считаю, что ты не должен принимать это как должное. Я заслужила, как минимум, благодарность!

– Хорошо, если тебе необходима компенсация, ты ее получишь, обещаю. А теперь, может быть, прекратим этот разговор? У меня был тяжелый день, и я не прочь немного отдохнуть.

С формальной точки зрения это было предложение мира, но тон, которым это было сказано, рассердил Глэдис еще больше. Дуг явно считал, что его дела и его усталость значат гораздо больше, чем ее. К тому же он почти демонстративно вернулся к своим бумагам и погру-

зился в них, давая Глэдис понять, что больше не собирается разговаривать на интересующую ее тему.

А она смотрела на него во все глаза, не в силах поверить в то, что только что услышала. Дуглас наплевал не только на ее карьеру, но и на успех ее отца, который представлялся Глэдис бесспорным. Неуважение, граничащее с презрением, которое она без труда угадала в его интонациях, ранило ее в самую душу, ибо еще никогда Дуг не позволял себе разговаривать с ней подобным образом. Но самое страшное заключалось в том, что теперь все аргументы Мэйбл, над которыми она столько раздумывала, приобрели вес и сделались почти неоспоримыми.

Глэдис ничего больше не сказала Дугу. Но перед тем как лечь спать, она долго стояла в душе, заново обдумывая все, что узнала и поняла за сегодняшний день. Глэдис чувствовала себя униженной, оскорбленной в лучших чувствах, почти уничтоженной. В самом деле, после разговора с мужем в ее жизни не осталось ничего, кроме бесконечной работы по дому, которую, как чуть ли не открытым текстом заявил Дуг, она должна была считать своим настоящим призванием. Это было настолько абсурдным, что Глэдис не сомневалась: Дуг быстро одумается и извинится перед ней. Обычно он довольно хорошо чувствовал, когда ненароком задевал ее, и спешил попросить прощения.

Однако когда она вышла в спальню и погасила свет, Дуг не сказал ей ни слова. Он просто повернулся к ней спиной и заснул, словно ничего не случилось, и Глэдис, в которой с новой силой вспыхнула обида, тоже не стала желать ему спокойной ночи.

Но еще долго она лежала без сна, прислушиваясь к негромкому храпу мужа, и думала о том, что сказал ей Дуг и что говорила ей Мэйбл.

Глава 2

Утро следующего дня было, как обычно, слишком суматошным, чтобы возвращаться ко вчерашнему. Дуг ушел раньше, чем она успела с ним попрощаться. Прибираясь в кухне, Глэдис задумалась, жалеет ли он о том, что произошло, или нет. В глубине души она была совершенно уверена, что Дуг непременно что-нибудь скажет ей по поводу вчерашнего разговора, поскольку долго молчать было не в его характере. Глэдис все еще тешила себя надеждой, что вчера он слишком устал или, напротив, пытался не очень удачно «завести» ее, чтобы потом вместе посмеяться над ее горячностью. Но ей не давала покоя мысль: Дуг держался как-то уж очень спокойно, словно он для себя уже раз и навсегда все решил. Но если он на самом деле относится столь пренебрежительно ко всему, что она делала и о чем мечтала до того, как они поженились, тогда... Тогда все это очень и очень печально.

Когда раздался телефонный звонок, Глэдис как раз загружала в посудомоечную машину последнюю порцию тарелок, рассчитывая потом спокойно отправиться в темную комнату, где ждали ее отснятые пленки. Она обещала сыну, что сделает фотографии к понедельнику, нужно было спешить.

Должно быть, это Дуг. Глэдис сняла трубку. На сегодня у них был запланирован поход в ресторан, и ей казалось, что она получит куда больше удовольствия, если муж попросит прощения за свое вчерашнее поведение.

– Алло? – сказала она в трубку и улыбнулась, почти уверенная, что услышит голос мужа. Звонил Рауль Лопес, сам в прошлом знаменитый репортер, а ныне – один из самых известных в городе агентов, представлявших интересы фотожурналистов и фотографов. Агентство, которое теперь возглавлял Рауль, когда-то сотрудничало и с отцом Глэдис.

– Ну что, Мать Года, как делишки? Все еще фотографируешь младенцев на коленках пьяных Санта-Клаусов? – спросил Рауль вместо приветствия.

На прошлое Рождество Глэдис действительно снимала сирот в местном приюте, и хотя это была обычная благотворительная акция, Рауль никак не мог ей этого простить. Или, по крайней мере, забыть. Вот уже много лет подряд он твердил Глэдис, что она разменивается по мелочам, зарывает свой талант в землю, и, с его точки зрения, это является настоящим преступлением перед мировой общественностью и перед фотожурналистикой. «О себе я уже не говорю», – добавлял обычно Рауль. Вот уж кто не страдал от ложной скромности. И каждый раз, когда Глэдис делала для Рауля какую-нибудь небольшую работу, он снова начинал надеяться, что она наконец вернется в мир фотожурналистики.

«Восстанет из гроба», как он выражался.

Три года назад Глэдис сделала для Рауля великолепный фоторепортаж о положении детей в Гарлеме. Этой работой она занималась в свободное время, пока ее собственные дети были в школе, и ухитрилась ни разу не пропустить своей очереди по автопулу. Дуг, правда, всячески выражал ей свое неудовольствие. Но Глэдис уговаривала его так долго и упорно, что ему не оставалось ничего другого, кроме как уступить. Ее «гарлемская серия» удостоилась региональной премии фотожурналистов.

– Все нормально, Рауль. А ты как? – спросила она.

– Неплохо. Только работы, как всегда, невпроворот. Особенно тяжело бывает уламывать звезд, которых я представляю. Ибо не все они имеют представление о том, что такое здравый смысл. Ты случайно не знаешь, почему творческим людям бывает так трудно принимать разумные решения?

Услышав эту тираду, Глэдис решила, что у Рауля, похоже, действительно выдалось не самое легкое утро. «Надеюсь, – подумала она, – он не собирается сделать мне какое-нибудь безумное предложение?» Правда, Глэдис уже давно предупредила агента, чтобы он не пред-

лагал ей поездок на озеро Танганьiku – снимать крокодилов из-под воды, но Рауль время от времени нарушал уговор.

– Какие у тебя планы? – спросил Рауль чуть более сердечным тоном, и Глэдис оценила его старания. Рауль был человеком раздражительным, вспыльчивым, резким в суждениях, но Глэдис он все равно нравился.

– Вообще-то, я собиралась мыть посуду, – сказала Глэдис, бросив взгляд на моечную машину, которая все еще стояла с выдвинутыми поддонами. – Интересно узнать, как это зрелище сообразуется с твоим представлением обо мне? – добавила она с улыбкой.

– Прекрасно сообразуется, – пробурчал Рауль. – Хотелось бы знать, когда твои дети наконец вырастут? Искусство не может ждать вечно!

– Придется ему подождать, – вздохнула Глэдис. Она вовсе не была уверена, что Дуглас позволит ей когда бы то ни было вернуться в фотографию. Рауль упрямо не оставлял своих попыток уговорить ее взяться за какое-нибудь головоломное задание, надеясь, что в один прекрасный день она «возьмется за ум», «пошлет к черту зануду-мужа», «сдаст в пансион свою сопливую команду» и рванет из Уэстпорта в какую-нибудь «горячую точку».

– Уж не собираешься ли ты снова просить меня отправиться куда-нибудь в Тибет, чтобы проехать на ослике от Лхасы до Пекина? – спросила она шутливо. Именно с таким предложением Рауль обратился к ней несколько лет назад, когда Глэдис была на восьмом месяце беременности. С тех пор эта фраза стала для них чем-то вроде кодового обозначения заданий, связанных с дальними и продолжительными поездками, которые Рауль продолжал предлагать ей с завидной регулярностью. Впрочем, изредка он находил более разумные задания, наподобие гарлемского репортажа. И в глубине души Глэдис была очень довольна, что Рауль не спешит вычеркнуть ее из своих «звездных списков», хотя в телефонных разговорах он не раз называл ее «пропащей» и «дохлым номером». («Я знаю, что обращаться к тебе – это дохлый номер, но попытка – не пытка...» – так начинался примерно каждый третий их разговор.)

– Что ж, ты почти угадала... – проговорил Рауль. – Конечно, не в десяточку, но все-таки близко. – Он словно обдумывал, как бы получше начать, но Глэдис прекрасно знала, что Рауль не из тех людей, которые будут звонить по делу и мямлить. Наверняка у него все было заранее просчитано и расписано, просто Рауль опробовал на ней один из своих «подходцев». У него самого никогда не было ни жены, ни семьи. Он решительно не мог понять, почему ради мужа и детей Глэдис готова снова и снова отказываться от увлекательных путешествий, от карьеры, от успеха, наконец. Талант у нее, по мнению Рауля, был редкостный, поэтому он совершенно искренне считал ее отказ от карьеры никому не нужной жертвенностью.

– Ну так что же? – поторопила Глэдис, и Рауль наконец решился взять быка за рога, хотя заранее знал, что она скажет «нет». Знал и все-таки надеялся.

– Нужно смотаться в Корею, – сказал он деловито. – Заказчик – воскресное приложение к «Таймс мэгэзин». Редактор решил поручить это кому-то из моих звезд, поскольку в штате журнала нет фотографа высшего класса. А дело такое: одна сеульская фирма предлагала состоятельным бездетным парам детей для усыновления. Все бы ничего, но распространился слух, что детей, которые никому не приглянулись, в конце концов убивали. Впрочем, работа достаточно безопасная, особенно для тебя. Нужно только помнить, что фотографии умеют говорить сами за себя, и поменьше выступать. Главное – снимать, остальным займется общественное мнение и полиция. Поняла?..

Рауль немного помолчал, но, не дождавшись ответа, добавил почти умоляющим голосом:

– Это просто фантастическое задание, Глэдис! Когда репортаж появится в журнале, будет настоящий взрыв. Газеты будут просто драться из-за этих материалов, если «Таймс» решит пустить их в продажу. Фотографии нужны, чтобы придать статье, так сказать, наглядность, и я бы предпочел, чтобы их сделала именно ты, а не кто-то другой. Здесь, во всяком случае, нужна именно такая рука, именно такой глаз, как у тебя. К тому же ты любишь детей, и я подумал...

Словом, с какой стороны ни посмотри, эта работенка словно специально предназначена для тебя.

Слушая Рауля, который все больше и больше воодушевлялся, Глэдис тоже почувствовала волнение. Со времен ее гарлемского репортажа ни одно задание не трогало ее столь сильно. Но что она скажет Дугласу и своим собственным детям? Что она уезжает в Корею? А кто заменит ее в автопуле, кто будет готовить для них обеды и ужины? Кто будет гулять с собакой? Глэдис занималась всем этим – и многим другим тоже – на протяжении многих лет, и единственным, кто ей помогал, была приходящая домработница, которая два раза в неделю убирала квартиру.

Но даже для двоих работы было слишком много.

– Это надолго? – робко спросила Глэдис, надеясь, что не больше недели. Тогда она могла бы попытаться нанять дополнительную прислугу или уговорить Мэйбл, чтобы та возила детей в школу.

Последовала пауза. В трубке было хорошо слышно, как Рауль с присвистом втянул воздух сквозь сжатые зубы. Эту его привычку Глэдис хорошо знала – он поступал так всякий раз, когда ему предстояло сказать что-то неприятное для собеседника.

– Три недели. Может быть – четыре, – промолвил он наконец, и Глэдис, закрыв глаза, опустилась на табурет возле телефона. Срок был совершенно нереальным, а ей так хотелось сделать этот репортаж! Но в конце концов, у нее были свои дети, о которых она должна была думать в первую очередь.

– Ты же знаешь, Рауль, что мне это не подходит, – сказала она со вздохом. – Я не могу. Зачем только ты позвонил? Чтобы сделать мне больно?

– Может быть, и да, – мрачно ответил агент. – Вдруг мне удастся добиться, что однажды ты проснешься и поймешь: миру нужно то, что ты делаешь. Прелестные милые картинки, снимки собачек и мордочки детишек, которые ты время от времени мне присылаешь – все это, конечно, хорошо, но ведь ты способна на большее! Я не говорю о том, что приобретет или потеряет искусство, но ведь может оказаться и так, что именно благодаря твоим фотографиям убийства детей прекратятся.

– Это нечестно, Рауль! – с горячностью перебила Глэдис. – Не смей заставлять меня чувствовать себя виноватой! Ты же отлично знаешь, что я не могу просто так бросить все и уехать на целый месяц. Ведь у меня четверо детей, муж и никаких бабушек или дедушек!

– Так, черт возьми, найми постоянную прислугу, которая за стол и жилье будет на протяжении месяца ухаживать за твоей сопливой командой. Или разведись. Ведь не можешь же ты вечно сидеть на одном месте и при этом оставаться классным фотографом! Ты и так уже потеряла четырнадцать лет. Просто удивительно, как о тебе до сих пор не забыли. Во всяком случае, чудачки, которые хотели бы поручить тебе ту или иную работу, все еще находятся. Ну а ты совершаешь большую глупость, когда обращаешься так со своим талантом!

– Как – так?

– Преступно! – отрезал Рауль, и Глэдис поняла, что агент рассердился всерьез. Это было особенно обидно, ибо в глубине души Глэдис признавала его правоту.

– Я вовсе не «потеряла» четырнадцать лет, – возразила она в жалкой попытке оправдаться. – У меня четверо детей, и все они здоровы и счастливы. Что бы с ними было, если меня подстрелили бы где-нибудь на Мальдивах или в Никарагуа? Кто заменил бы им мать? Может быть, ты?

– Нет, конечно, – согласился Рауль. – Тут ты права. Но, если я не ошибаюсь, твои многочисленные дети уже достаточно большие, чтобы самим о себе заботиться. Во всяком случае, никому из них больше не надо менять пеленки и вытирать нос. И я не понимаю, что мешает тебе вернуться к работе, которую, как мне помнится, ты когда-то любила. Твой муж тоже не инвалид, ты ведь не кормишь его с ложечки и не выносишь за ним судно, не так ли?

Этот выпад напоминал прямое оскорбление, но Глэдис пропустила слова Рауля мимо ушей, ибо ей вспомнилось, что Дуг сказал ей вчера вечером. После этого Глэдис страшно было даже заговаривать с ним о том, чтобы куда-то уехать. Подобный шаг с ее стороны вполне мог обернуться серьезной катастрофой для их брака.

– Я не могу, Рауль, и ты это прекрасно знаешь, – повторила она еще раз и вздохнула. – Твой звонок... Он меня очень расстроил.

– Вот и хорошо, – безжалостно ответил Рауль. – Зато теперь ты, быть может, скорее сдвинешься с мертвой точки. И если я добьюсь этого своими звонками, я окажу огромную услугу всему человечеству.

– Ладно. Спасибо, что подумал обо мне. Надеюсь, ты сумеешь найти кого-то, кто сумеет отлично сделать этот репортаж, – сказала она в трубку, думая о корейских детях.

– Тот, кто сумел бы сделать этот репортаж так, как надо, только что от него отказался, – едко ответил Рауль. – На днях я тебе перезвоню, но имей в виду: так легко, как сегодня, ты от меня не отделаешься. Я не отстану, пока не услышу: «Да, Рауль. Хорошо, Рауль. Куда угодно, Рауль».

– Я и не собиралась от тебя отделиваться. Ты бы лучше позаботился, чтобы для выполнения нового заказа мне не нужно было ехать куда-то к черту на рога.

– Посмотрим, что мне удастся сделать. Но обещать ничего не могу, – повторил Рауль. – А ты будь осторожна, Мать Года, береги себя и не давай своим отпрыскам садиться себе на шею.

– И тебе всего хорошего, – в тон ему ответила Глэдис. – Кстати, об отпрысках, – тут же спохватилась она. – Мы на все лето отправляемся на мыс Код. У тебя, кажется, есть номер того телефона?

– Конечно, есть. Желаю приятно провести время, Глэдис. А если сумеешь сфотографировать какую-нибудь шикарную яхту – позвони мне. Попробуем продать снимок.

– Между прочим, – заметила Глэдис, – гонорар за прошлые, как ты выражаешься, «шикарные яхты» покрыл мои расходы на детский сад за два года.

– Нет, Глэдис, ты совершенно безнадежна! – в отчаянии воскликнул Рауль.

На этом разговор закончился. Впервые за много лет Глэдис стало казаться, что в ее жизни не хватает чего-то настоящего, чего-то важного и большого. И что же ей теперь делать?

Глэдис чувствовала себя подавленной, но дела делать все равно надо. Отправившись после обеда за продуктами в супермаркет, она неожиданно столкнулась с Мэйбл. Подруга Глэдис выглядела значительно более веселой и оживленной, чем обычно; она была в короткой юбке и туфлях на шпильках, а подойдя к ней вплотную, Глэдис с удовольствием вдохнула запах дорогих духов.

– Где ты была?! – удивилась Глэдис. – Неужели ездила за покупками в город?

Мэйбл отрицательно покачала головой и, таинственно улыбаясь, сообщила заговорщическим шепотом:

– Я обедала в Гринвиче с Дэном Льюисом. Мы прекрасно провели время и даже выпили по бокалу вина. Дэн – просто душа; во всяком случае, он умеет быть милым, и вообще он еще очень даже ничего. Если бы не эти его усы а-ля Кларк Гейбл, он был бы похож на херувимчика.

– Как я понимаю, бокалом вина вы не ограничились, – с несчастным видом заметила Глэдис. Радость подруги казалась ей неуместной.

– А ты чего такая грустная? – спросила Мэйбл. – Что с тобой?

Она действительно редко видела подругу в таком состоянии.

– Вчера вечером мы поссорились с Дугом, – объяснила Глэдис. – А сегодня мне позвонил мой агент и предложил очень интересную работу в Корее. Насколько я поняла, что-то связанное с незаконным усыновлением, причем от детей, которых никто не хотел брать, попросту избавлялись.

– Какой ужас!.. – воскликнула Мэйбл, бросая в тележку упаковку томатного сока. – Я бы на твоём месте радовалась, что тебе не нужно заниматься этим кошмарным делом. Это же наверняка опасно!

– А я бы хотела сделать этот фоторепортаж, – покачала головой Глэдис. – Но дело даже не в опасности. Главное препятствие состоит в том, что мне пришлось бы уехать из Штатов на три-четыре недели, а я не могу себе этого позволить. Словом, мне пришлось отказаться.

– Но тебе и раньше приходилось отказываться от заданий, – удивилась Мэйбл. – Почему теперь у тебя такое лицо, словно кто-нибудь умер?

– Ну, боже мой, – простонала Глэдис, – вчера Дуг наговорил мне кучу гадостей о моей карьере. Для него она – просто хобби, пустяк, каприз, не знаю даже, что еще... Словом, он не видит ничего особенного в том, что мне пришлось от нее отказаться. Оказывается, он считает, что нет ничего легче, чем зарабатывать на жизнь при помощи фотоаппарата, и что на это способен каждый, стоит только по-настоящему захотеть.

Мэйбл улыбнулась, но ничего не возразила. Зная, что Глэдис и Дуг ссорятся крайне редко, она только спросила:

– Что это на него нашло?..

– Не знаю. – Глэдис покачала головой. – Обычно он не такой... бесчувственный. Может, у него просто выдался на службе тяжелый день.

– А может быть, он действительно не очень хорошо понимает, от чего ты отказалась ради него и ради детей! – решительно заявила Мэйбл, и Глэдис снова покачала головой. В глубине души она опасалась именно этого и была удивлена тем, как много, оказывается, значили для нее признание и благодарность мужа.

– Я думаю, тебе все-таки следует настоять на своем и сделать этот корейский материал! – добавила Мэйбл, явно стараясь расшевелить подругу и подтолкнуть к решительному шагу.

– Почему дети должны страдать из-за того, что Дуг чем-то меня уязвил или задел? – возразила Глэдис. – К тому же я все равно не могу бросить их на целый месяц. Через три недели мы собирались на мыс Код... Нет, это невозможно.

– Тогда не упусти следующее задание.

– Если оно будет – следующее задание. Мне иногда кажется, что Рауль уже устал от моих отказов.

Действительно, в последнее время агент звонил ей все реже и реже, хотя, возможно, все дело было в том, что задания, которые могли подойти Глэдис по условиям ее теперешней жизни, попадались ему не часто.

– Будем надеяться, что вечером Дуг заявится домой с охапкой цветов и ты обо всем забудешь, – сказала Мэйбл, решив все же подбодрить подругу, которую ей было искренне жаль. Глэдис была умной, красивой, способной, но, как и многие другие женщины, она тратила свою жизнь на то, чтобы кормить мужа ужином, устраивать для детей барбекю и, чередуясь с другими родителями, возить их в школу. Мэйбл считала это несправедливым, тем более что у Глэдис был настоящий талант к фотографии.

– Сегодня вечером мы хотели поужинать в «Ма Пти Ами», – объяснила Глэдис. – Я так ждала этого дня, но вчера Дуглас испортил мне все настроение.

– Закажи лишний бокал шампанского – и все пройдет! – предложила Мэйбл. – Кстати, мы с Дэном снова обедаем вместе во вторник.

– Знаешь, по-моему, это глупо, Мэйбл, – напрямик сказала Глэдис, укладывая в свою тележку упаковку овсянки быстрого приготовления. – Зачем это тебе?

– По крайней мере, это меня развлекает, – объяснила Мэйбл. – Почему бы и нет? Я никому не причиняю зла: Розали по уши влюблена в своего Гарольда, а Джефф ничего не узнает. К тому же мы скоро поедem в Европу, и все мое внимание будет принадлежать ему.

Для Мэйбл это был, по-видимому, достаточно веский аргумент.

– А мне это кажется совершенно бессмысленным, – сказала Глэдис строго. – Что, если ты на самом деле влюбишься в Дэна?

С точки зрения Глэдис, это был далеко не праздный вопрос. Мэйбл действительно могла влюбиться по-настоящему, и что тогда? Как ей поступить? Бросить Джеффа? Развестись с ним? Словом, все это было слишком чревато самыми непредсказуемыми последствиями. А дети? Поставить их мир с ног на голову? Но Мэйбл, похоже, придерживалась иного мнения. Впрочем, по этим вопросам подруги расходились во мнениях.

– И вовсе я не собираюсь в него влюбляться, – возразила Мэйбл. – Просто я... мы оба хотим получить немного удовольствия. Не будь ханжой, Глэдис, ведь все это так... увлекательно!

– А если бы ты узнала, что Джефф поступает подобным образом?

– Я бы решила, что где-то медведь сдох. – Мэйбл небрежно взмахнула рукой. – Когда у него выдается свободное время, он не обедает со своими секретаршами, а бежит к парикмахеру или к своему мозолисту.

Что, если ее подруга ошибается? Мысль о том, что Мэйбл и Джефф могут изменять друг другу, показалась ей отвратительной.

– Что касается тебя, – продолжала тем временем Мэйбл, – то тебе нужно сделать новую прическу, маникюр или массаж... Словом, что-нибудь, что помогло бы тебе взбодриться и прийти в себя. Я не думаю, что эта история с корейскими детьми стоит того, чтобы из-за нее так расстраиваться. Вот если бы тебе не удалось развлечься, получить удовольствие, если бы у тебя сорвалось, скажем, свидание, это действительно было бы жаль!

Мэйбл лукаво подмигнула Глэдис, но та с укором покачала головой.

– Не знаю, за что я так тебя люблю, – сказала она. – У тебя нет никаких понятий о нравственности! Если бы мы не были знакомы и кто-то рассказал мне о твоём поведении, я решила бы, что это отвратительно!

– Ничего такого ты бы не решила, – возразила Мэйбл. – Ведь тебе отлично известно: я что думаю, то и говорю, в то время как большинство людей думает одно, говорит другое, а делает третье. Нет, быть может, я и не слишком разборчива, но никто не назовет меня моральной уродкой.

Глэдис ненадолго задумалась. В словах Мэйбл был свой резон, и все же ее подруга действительно весьма неразборчива в способах получения удовольствия.

– И все равно я тебя люблю, – сказала Глэдис. – Вот почему мне совсем не хочется, чтобы ты попала в некрасивую историю. Если Джефф пронюхает о твоих похождениях...

– Не думаю, чтобы его это заинтересовало, куда я вовремя забираю из прачечной его сорочки, – отмахнулась Мэйбл.

– На твоём месте я не была бы так уверена. Мужчины становятся совершенно несносны, когда им кажется, что кто-то посягает на их собственность.

– Во-первых, я не его собственность, – возразила Мэйбл. – Кроме того, Дэн говорит, что Розали спала с Гарольдом два года, а он ни о чем не догадывался. Он узнал обо всем, только когда она сама ему рассказала. И большинство мужчин именно таковы. Конечно, каждый из них может превратиться в Отелло, но если женщина умна, она до этого просто не допустит.

– Гм-м... – произнесла Глэдис. Она неожиданно задумалась, как отреагирует Дуг, если узнает, что она встречается... нет, какое там встречается, просто обедает с другим мужчиной? Как скоро он что-то заметит и заметит ли вообще? Ей хотелось считать, что да. Пожалуй, она даже была в этом уверена.

– Ладно, – сказала тем временем Мэйбл. – Мне пора бежать: я должна еще отвезти своих мальчишек к врачу. Надо сделать им прививки перед отъездом в Европу. Они уже готовы собирать вещи, а я еще не все документы оформила. Представляешь, у меня даже нет времени, чтобы заполнить медицинские карты!

– Если бы ты пожертвовала сегодняшним обедом с Дэном, глядишь, и успела бы, – поддразнила Глэдис, но Мэйбл уже не слушала ее. Прощально махнув рукой, она заторопилась к кассе, а Глэдис, вздохнув, снова двинулась вдоль полок, выбирая продукты и складывая их в тележку.

Да, печально подумала она, жизнь домашней хозяйки, безусловно, не так увлекательна, как жизнь фотожурналиста, но, быть может, Мэйбл права и это корейское задание ей вовсе ни к чему? Кто знает, с чем ей пришлось бы столкнуться? Не исключено также, что ей захотелось бы вернуться в Штаты с полудюжиной спасенных ею от смерти корейских младенцев. Этого Дуг уж точно не понял бы.

Когда пришло время забирать детей из школы, Глэдис все еще пребывала в подавленном настроении, но этого никто не заметил. Как раз сегодня Джейсон и Эйми пригласили в гости нескольких друзей, и всю дорогу в машине было так весело и шумно, что ее странная задумчивость никому не бросилась в глаза.

Когда Дуглас вернулся с работы, Глэдис уже была в туфлях на шпильках и коротком черном платье, которое очень ей шло. Свои длинные пшеничные волосы она собрала в элегантный пучок на затылке. На вечер была приглашена няня, так что беспокоиться было не о чем.

Глэдис принесла Дугу коктейль.

– Ты прекрасно выглядишь, Глэдис! – воскликнул Дуг, делая глоток из бокала. «Кровавая Мэри» – любимый коктейль Дуга, который он иногда позволял себе вечером в пятницу. – Чистая правда, – продолжал он. – Ты, наверное, не отходила от зеркала с самого утра?

– А вот и нет, – улыбнулась в ответ Глэдис. – Когда мне никто не мешает, я могу уложиться в час или полтора. А как твои дела, Дуг?

– Неплохо. Переговоры с новым клиентом прошли как по маслу. Правда, это только предварительный этап, но, думаю, все будет хорошо и дальше. Пожалуй, можно сказать, что контракт уже у нас в кармане. Лето начинается удачно.

– Я рада, что мы наконец идем куда-то вместе, – промолвила Глэдис с несколько натянутой улыбкой. Она ожидала, что муж все же извинится за вчерашнее.

– Именно поэтому я и предложил поужинать в ресторане. – Дуг улыбнулся и вместе со своим коктейлем исчез в ванной комнате, из которой почти сразу же донесся шум воды. Он, кажется, вовсе забыл об их размолвке.

Примерно через полчаса, приняв душ и переодевшись в серые слаксы и блейзер, Дуглас снова появился в комнате. К рубашке он надел очень модный галстук цвета морской волны, который Глэдис подарила ему к Рождеству. В этом костюме Дуг выглядел очень элегантно, и вместе они, наверное, составляли потрясающую пару. Во всяком случае, именно так заявила Глэдис Джессика, когда перед выходом из дома они заглянули в гостиную, чтобы попрощаться с детьми. Через десять минут они уже были в ресторане.

Французский ресторан «Ма Пти Ами» был небольшим, но очень уютным и славился своей милой семейной атмосферой. В конце недели здесь всегда бывало многолюдно. Кухня тоже была отменной, а горевшие на столах свечи были одновременно и романтичны, и праздничны. С точки зрения Глэдис, это было едва ли не самое подходящее место, чтобы попытаться что-то исправить в их отношениях, и она от всего сердца улыбнулась Дугу, пока официант разливал по бокалам легкое французское вино.

Дуглас тотчас же поднес свой бокал к губам и, отпив крошечный глоток, кивком головы одобрил напиток.

– Ну, расскажи, как прошел твой сегодняшний день, – попросил он, опуская бокал. Дуглас заранее был готов выслушать рассуждения Глэдис о детях и домашнем хозяйстве, но ее ответ неприятно его удивил.

– Мне звонил Рауль Лопес, – сказала Глэдис, глядя на него в упор. В глазах Дугласа промелькнула тень недовольства, а на лице появилось настороженное выражение. Впрочем,

оснований для недовольства у него не могло быть никаких: в последнее время агент звонил Глэдис все реже, и его звонки никогда ни к чему не приводили.

– Ну и что? – спросил Дуг.

– Он предложил мне очень интересное дело, – ответила Глэдис. – К сожалению, для того чтобы его выполнить, мне пришлось бы почти на месяц уехать в Корею.

Дуг саркастически хмыкнул.

– Как это похоже на Рауля! – произнес он, однако в тоне его было больше снисходительности, чем тревоги. После вчерашнего внушения Дуглас был особенно уверен в благоразумии Глэдис, и, хотя новость нельзя было назвать приятной, никаких особых опасений она ему не внушала. – Кстати, в какую дыру он собирался запихнуть тебя в прошлый раз? В Зимбабве, кажется?.. На мой взгляд, это становится просто неприличным! И как ему только не надоест – ведь он отлично знает, что все равно ничего не выйдет!..

– Но Рауль действительно думал, что я соглашусь. Предложение очень заманчивое. – Ей очень хотелось, чтобы Дуг поблагодарил ее за то, что она никуда не поехала.

– Послушай, почему ты не скажешь Раулю, чтобы он просто вычеркнул тебя из своих списков? Пора уже перестать дергать тебя попусту, да и самому ему будет гораздо спокойнее. Ты все равно не можешь выполнять для него никакой работы. Честное слово, Глэдис, я очень удивлен, что Рауль все еще на что-то надеется. Кстати, может быть, ты объяснишь мне это?

– Все очень просто, – проговорила Глэдис негромко, стараясь хоть этим смягчить резкость своего ответа. – Я умею хорошо фотографировать. Я неплохо справлялась с тем, что мне поручали, и редакторы до сих пор помнят мои работы и спрашивают обо мне у Рауля. Не стану скрывать, Дуг, мне лестно подобное внимание. Оно означает как минимум, что я что-то собой представляю.

В последних ее словах содержался и намек, и мольба. «Ну пойми же меня! – как будто просила она. – Пойми и скажи, что я была и остаюсь хорошим фотографом, несмотря на то, что вот уже почти полтора десятка лет не работала серьезно!» Но Дуг ее не слышал – просто не хотел услышать. Как только речь заходила о работе Глэдис, он становился слеп на оба глаза и глух на оба уха.

– Тебе не надо было заниматься скандалом в Гарлеме, – сказал он сухо. – Из-за этого твой агент решил, что ты не прочь и дальше с ним сотрудничать. Но ведь это не так, Глэдис, не правда ли?

Глэдис слушала его, и постепенно ей становилось ясно, чего он добивался. Дуг требовал, чтобы она отказалась от своей карьеры раз и навсегда, и, должно быть, именно поэтому ей вдруг с особенной силой захотелось вернуться к работе фотожурналиста. Быть может, не в полном объеме, но все-таки... Ах, если бы только Раулю удалось найти такую тему для репортажа, чтобы ей не нужно было никуда уезжать надолго!..

– А по-моему, гарлемский репортаж мне удался. Я рада, что сделала его, – возразила Глэдис, машинально улыбнувшись официанту, подошедшему к ним с карточками меню. Но есть ей уже расхотелось – Дуглас снова ее расстроил. Он, казалось, просто не понимал, что она думает и чувствует. Впрочем, тут же спохватилась Глэдис, возможно, ей не стоило судить его так строго. Она и сама толком не понимала, что с ней творится. Просто внезапно она ощутила, что жизнь ее пуста и что ей отчаянно не хватает того, от чего она когда-то столь опрометчиво отказалась. Но почему Дуг должен догадываться обо всем этом, если она не удосужилась ничего ему объяснить?

– Ты знаешь, – сказала она примирительным тоном, – мне бы очень хотелось работать. Хотя бы изредка, хотя бы чуть-чуть!.. И это вовсе ничему не помешало бы. За все эти годы я никогда не задумывалась об этом по-настоящему. Понимаешь, мне начинает казаться, что мне чего-то не хватает.

– С чего ты взяла?

– Не знаю, – честно призналась Глэдис. – Быть может, из-за Мэйбл... Она упрекнула меня в том, что я похоронила свой талант. А сегодня позвонил Рауль и предложил сделать репортаж о корейских детях. Я просто не могу описать, насколько интересной показалась мне эта работа...

Была и еще одна причина, о которой Глэдис умолчала. Их вчерашний разговор с Дугом тоже подлил масла в огонь, который незаметно, исподволь, разгорался в ее душе. Она никак не могла забыть того пренебрежения, с которым Дуг отмахнулся от ее карьеры как от чего-то совершенно нестоящего. А как он отозвался о ее отце? Ведь он был талантливейшим фотографом, но Дуг говорил о нем покровительственно, как о безответственном мальчишке, который разъезжает по всему миру с единственной целью – потешить свое тщеславие.

Как бы там ни было, это внезапное желание самоутвердиться, доказать самой себе, что она еще что-то может, что она личность, а не бесплатное приложение к детям и мужу, было в ней чрезвычайно сильным. Глэдис ужасно боялась, что Мэйбл может оказаться права и что теперь она – просто домашняя хозяйка, повар и шофер.

– Твоя Мэйбл вечно мутит воду, – пробормотал Дуг, углубившись в меню. – Как насчет цыплячьих грудок, дорогая?

И Глэдис с горечью подумала, что Дуг, как и вчера, совершенно не слушает ее. Он как будто был заранее уверен, что ничего разумного или логичного она сказать не сможет. От этой мысли на глаза у нее навернулись слезы.

– Я думаю, – сказала она, глядя на него поверх своей карточки меню, – что Мэйбл до сих пор жалеет о том, что ей пришлось оставить работу. Возможно, ей действительно не следовало этого делать, – добавила она, думая о том, что Мэйбл наверняка не стала бы обедать с Дэном Льюисоном, если бы у нее было какое-нибудь настоящее, серьезное дело. Впрочем, этими своими соображениями она делиться с Дугом не стала. – Я еще в лучшем положении, – промолвила Глэдис после недолгого размышления. – Если я захочу вернуться в фотографию, я могу сделать это в любой момент. За эти четырнадцать лет я ничего не потеряла. Стараниями Рауля мое имя все еще что-то значит в фотомире. У меня есть возможность выбирать. Мне необязательно работать полный день и необязательно ехать в Корею, если я этого не хочу. А бедняжке Мэйбл придется все начинать с нуля, ведь до того, как выйти замуж, она была юристконсультом...

– О чем ты говоришь?! – Дуг, сделав заказ за себя и за нее, в упор посмотрел на Глэдис. Брови его были нахмурены, а лицо исказилось, словно он съел что-то очень кислое. – Ты что, серьезно решила вернуться в фотожурналистику? Но ведь это совершенно невозможно, ты не можешь этого не понимать!

– Почему? Я вполне могу сделать для Рауля серию снимков или даже целый репортаж на местном материале, – возразила Глэдис, машинально отметив, что Дуг даже не дал ей времени ответить на свой же вопрос. Как и вчера, он все решил за нее.

– Ты можешь делать все, что тебе угодно, – отчеканил Дуг. – Я не понимаю другого – зачем тебе это нужно? Что за детские фантазии – носиться по городу с фотоаппаратом и снимать, снимать, снимать!.. Ведь ты уже выросла, Глэдис, и подобное поведение тебе просто не к лицу. Что за блажь взбрела тебе в голову?..

Он говорил с таким пренебрежением! Это начинало не на шутку злить Глэдис, хотя она и пыталась справиться со своим раздражением.

– Если тебе так хочется использовать свой «талант», – заметил Дуг, также начиная раздражаться, – снимай наших детей. У тебя неплохо получалось! Почему же это вдруг перестало тебя удовлетворять? Я почему-то уверен, что это Мэйбл тебя взбаламутила. Либо она, либо Рауль, который думает только о том, как бы заработать лишнюю десятку. Так вот, пусть твой агент использует для этого кого угодно, но только не тебя. В Нью-Йорке полно фотографов, которых он может послать хоть в Корею, хоть на Северный полюс, хоть на Луну!..

– Думаю, за этим дело не станет, – негромко ответила Глэдис, когда официант принес салат под холодным майонезом и паштет из цесарки. – Я вовсе не утверждаю, что я незаменимая, единственная в своем роде, супергениальная и так далее. Я просто хочу сказать, что наши дети уже подросли и ничто не мешает мне время от времени выполнять небольшие задания.

– Во-первых, – жестко заявил Дуг, – я достаточно зарабатываю. Или тебе мало? А во-вторых, Сэму еще только девять – не забывай об этом! Он все еще нуждается в тебе.

– Я вовсе не собиралась бросать детей, Дуг. Я только хотела, чтобы ты понял: для меня эта работа значит очень много!

Но Дуглас не желал ничего слышать.

– Почему для тебя это так важно? – снова спросил он. – Почему – вот чего я никак не пойму! Что такого особенного может быть в том, чтобы щелкать фотоаппаратом, а потом печатать картинки?

Он уже говорил это вчера, только немного другими словами, и Глэдис почувствовала себя жалким насекомым, которое раз за разом пытается выбраться из стеклянной банки, но снова срывается обратно.

– Пойми, Дуг, для меня это больше, чем «картинки»! Через фотографию я самовыражаюсь, и у меня это неплохо получается. Настолько неплохо, что мои снимки нравятся не только мне самой, но и другим. По-моему, все просто...

– Почему ты не можешь самовыражаться, снимая наших детей? Почему тебе обязательно нужно ехать куда-то черт знает куда? Почему тебе обязательно нужно выполнять чье-то задание?

Глэдис ненадолго задумалась.

– Быть может, мне просто хочется сделать что-нибудь значительное. Я должна знать, что моя жизнь не пуста, что в ней есть смысл.

– Ради всего святого, не надо о высоком, ладно? – Дуг поморщился и, отложив вилку, бросил на нее раздраженный взгляд. – Что это на тебя сегодня нашло? Нет, это наверняка Мэйбл! Я чувствую, что она с тобой как следует «поработала».

– Мэйбл тут ни при чем, – попыталась возразить Глэдис, защищая не столько подругу, сколько себя. – Дело во мне, Дуг! Я поняла, что в жизни должно быть что-то, кроме стирки, уборки, готовки. Неужели ты хотел бы посвятить всю жизнь тому, чтобы вытирать с ковра разлитый детьми яблочный сок?

Дуг снова поморщился.

– Речь сейчас не обо мне. А вот ты говоришь точь-в-точь, как Мэйбл. Я как будто даже слышу ее голос.

– А ты не допускаешь, что Мэйбл может быть права? Я согласна, она иногда говорит и делает глупости, но не оттого ли, что чувствует себя никому не нужной, бесполезной и сама жизнь представляется ей бессмысленной? Будь у нее какая-нибудь цель, она бы не совершала... опрометчивых поступков.

– Если ты собираешься сказать мне, что Мэйбл изменяет Джеффу, то не трудись – я знаю об этом уже давно. И если он ничего не замечает, то в этом никто, кроме него самого, не виноват. Мэйбл не пропускает ни одного мужчины; она готова вешаться на шею каждому, кто носит брюки. Ты что, собираешься поступать так же, если я не позволю тебе фотографировать?

Он был в ярости, и его не смутило даже появление официанта, который подал главное блюдо. Глэдис поняла, что их романтический ужин вдвоем пошел псу под хвост.

– Разумеется, нет, – поспешила она успокоить его. – И вообще, я не знала, что Мэйбл изменяет Джеффу, – солгала она, чтобы выгородить подругу. Впрочем, Глэдис тут же подумала о том, что поведение Мэйбл не имеет никакого отношения к их разговору и, строго говоря, Дугласу не должно быть до этого никакого дела.

– Я имела в виду только себя, – добавила она. – Мне начинает казаться, что, кроме тебя и детей, мне в жизни необходимо что-то еще. До того, как я отказалась от своей карьеры, мои дела шли очень хорошо. И я уверена, что могла бы без ущерба для семьи вернуться к фотожурналистике. Это помогло бы мне расширить кругозор и почувствовать себя полноценной личностью.

– У тебя так много свободного времени? – раздраженно ухмыльнулся Дуг. – А мне казалось, что наши дети еще недостаточно большие, чтобы обходиться без твоей помощи. Ты сама много раз говорила мне об этом. Нет, Глэдис, из твоей затеи ничего не выйдет, если только ты не хочешь нанять постоянную няню или отдать детей в группы продленного дня. Я не склонен поощрять твои капризы. Я просто не позволю тебе бросить детей на руки чужим людям: ты – мать, и наши дети нуждаются в тебе. Вот самое главное, остальное не должно иметь для тебя никакого значения.

– Дуг, ты не можешь упрекнуть меня в том, что я пренебрегаю своими обязанностями. Если я начну снова выполнять небольшие задания, наши дети нисколько от этого не пострадают.

– А я в этом сомневаюсь. Кроме того, какой в этом толк? Когда-то ты много снимала и получала от этого удовольствие – ну и довольно! К чему это повторение пройденного? Опомнись, Глэдис!

– Не понимаю, почему семья непременно исключает работу, – пожала плечами Глэдис. – Если ты боишься смещения приоритетов, то успокойся – этого не будет. Я отдаю себе отчет, что для меня главнее. Я и в Корею-то не поехала главным образом потому, что на первом месте для меня – интересы детей и твои, а уж потом – мои собственные.

– Очень, знаешь ли, не похоже. Все, что ты до сих пор говорила, – это же чистой воды эгоизм! Ты хочешь прославиться, сделать карьеру, хочешь приятно проводить время – совсем как эта твоя подружка, которая изменяет мужу с первым встречным просто потому, что ей надоели ее собственные дети. Быть может, мы тебе тоже надоели, а?!

Он буквально кричал, и Глэдис внимательно посмотрела на мужа. Дуг был очень сердит, а на лице его появилось оскорбленное выражение. «Неслыханно! – как будто говорило оно. – Променять меня и семью на какие-то картинки!»

Глэдис вздохнула. Вечер был непоправимо испорчен, и она понимала, что в этом не виноват никто, кроме нее. В другое время Глэдис, конечно бы, уступила Дугу, но сейчас она чувствовала, что не может сделать этого, не перестав уважать себя. И дело было не только в самолюбии, как, может быть, считал Дуг. Речь шла ни много ни мало о будущем Глэдис и о будущем ее семьи.

– Вы нисколько мне не надоели, – сказала она как могла мягко. – Кроме того, я не Мэйбл.

– Кстати, ты не знаешь, чего она добивается? – неожиданно спросил Дуг, яростно кромсая ножом свой бифштекс. – Я не верю, что она настолько сексуально озабочена. Зачем она усложняет жизнь себе и ставит Джеффа в неловкое положение?

– Не знаю. – Глэдис пожала плечами. – Я думаю, что она просто чувствует себя очень одинокой. Семейная жизнь больше ее не удовлетворяет, так что... Нет, я ее не оправдываю, но... Ей уже сорок девять лет. И, как и я, Мэйбл в свое время отказалась от блестящей карьеры ради мужа и детей. А сейчас она вдруг оказалась в такой ситуации, когда никакого будущего у нее нет вообще. То есть я хотела сказать, что впереди Мэйбл не ждет ничего, кроме домашних забот и автопула. Тебе трудно это представить, Дуг, у тебя есть работа, которую ты любишь, есть цель, которой ты добиваешься. Наконец, ты никогда ни от чего не отказывался. Естественно, что ты доволен своей жизнью, но почему ты требуешь этого от других – от тех, у кого жизнь сложилась иначе, не так удачно, как у тебя?

Дуглас озабоченно нахмурился.

– Ты действительно так считаешь? Ну, что у тебя нет никакого будущего?

– Нет, не волнуйся. Я счастливее, чем Мэйбл, но и я тоже иногда задумываюсь о своем будущем. Дети наконец вырастут и разъедутся кто куда. Что мне делать тогда? Фотографировать в парках чужих детей?

– Ну, это можно будет решить позже. У тебя есть еще минимум лет девять, пока Сэм станет взрослым и начнет жить самостоятельной жизнью. На мой взгляд, этого времени больше чем достаточно, чтобы решить, как быть дальше. Быть может, мы переедем обратно в Нью-Йорк, и ты сможешь ходить в музеи и галереи.

«И все?! – подумала Глэдис. – Ходить по музеям – это ты хочешь мне предложить? Ничего себе перспектива!..»

При мысли о таком будущем она невольно содрогнулась. Нет, увольте. Будущее представлялось ей гораздо насыщеннее, разнообразнее, богаче. Если в старости не светит ничего, кроме хождения по музеям, волей-неволей согласишься с Мэйбл, которая стремилась получить максимум удовольствия, пока не стало слишком поздно.

Существовало и еще одно обстоятельство: возвращаться в фотожурналистику сейчас или через девять лет – это было далеко не одно и то же. Если сейчас Глэдис кто-то еще помнил, то еще через десятилетие она уже станет никем. К тому же, судя по тому, что Дуг ей только что наговорил, его отношение к ее карьере вряд ли могло измениться хоть через девять, хоть через девяносто девять лет.

– Когда дети вырастут, ты легко найдешь себе работу в какой-нибудь галерее или даже в рекламном агентстве, – продолжал тем временем Дуг. – Зачем волноваться об этом сейчас?

– Значит, ты советуешь мне не волноваться? – спросила Глэдис, снова начиная закипать. – А что прикажешь мне делать? Рассматривать фотографии, сделанные другими, и думать о том, что я могла бы сделать их лучше? Да, ты прав, сейчас я действительно занята, а потом? Что я буду делать потом?!

За последние двадцать четыре часа этот вопрос уже не раз возникал у нее в голове, но только сейчас Глэдис окончательно поняла, что именно в этом – суть ее проблемы.

– Зачем ты усложняешь себе жизнь, Глэдис? Эта твоя Мэйбл – настоящая смутьянка. Она совсем задурила тебе голову. Я допускаю, что она несчастна, но это еще не основание, чтобы злиться на весь свет и делать несчастными других.

– Мэйбл ни на кого не злится, – печально ответила Глэдис. – Ей хочется только одного – быть любимой, а Джефф не может или не хочет дать ей этого.

Тут Глэдис спохватилась, что, возможно, сказала слишком много, но это, наверное, не имело большого значения, поскольку Дуг и так знал о похождениях Мэйбл.

– Искать любви в ее возрасте – смешно, – отрезал Дуг и отпил плоток вина из своего бокала. – О чем она только думает, хотелось бы мне знать?

Глэдис пожала плечами.

– Разве Мэйбл совершила такую уж большую ошибку? Просто она идет не тем путем. Мэйбл как-то призналась мне, как грустно бывает ей оттого, что ее уже никто никогда не полюбит по-настоящему. Очевидно, Джефф остыл к ней, а может, он никогда не был от нее без ума.

– Кто бы не остыл после двадцати лет брака? – с раздражением бросил Дуг. – Ни в сорок пять, ни в пятьдесят человек уже не способен чувствовать так, как он чувствовал в двадцать.

– Если ты имеешь в виду страсть, то я с тобой вполне согласна. Но ведь я говорю о другом, совсем о другом! В пятьдесят лет человек чувствует несколько не слабее, чем в двадцать, – просто чувства у него иные. Они богаче, разнообразнее, глубже, наконец...

– Все это просто романтическая чушь! – перебил Дуглас, и Глэдис похолодела. Она не верила своим ушам.

– Ты серьезно считаешь, – начала она, с трудом подбирая слова, – что через пятнадцать или двадцать лет брака человек уже не может любить своего супруга или супругу?

– Я просто думаю, что к этому времени так называемая «любовь» проходит. И ни один человек, если только он способен рассуждать здраво, не ожидает ничего другого.

– Чего же он ожидает? – спросила Глэдис странным, напряженным голосом и, поставив бокал на стол возле своей тарелки, посмотрела на мужа.

– Верности, уважения, товарищества, помощи, в том числе в уходе за детьми, надежности, наконец. Именно этого ожидают от брака в нашем возрасте.

– Но все это может дать хорошая домработница. Или собака.

– А чего бы хотела ты? – Дуглас усмехнулся. – Прогулки под луной, цветы, подарки на Валентинов день – все это для школьников. И не говори, пожалуйста, что до сих пор придаешь этой чепухе какое-то значение, иначе я решу, что ты общаешься с Мэйбл больше, чем следует.

– Я не ожидаю чего-то особенного, Дуг. Никаких чудес, но... Мне нужен кто-то больший, чем «человек, на которого можно положиться». Надеюсь, и тебе нужна не просто женщина, которой ты можешь доверить детей. Или наш брак для тебя – нечто вроде... трудового соглашения?

Выпалив все это единым духом, Глэдис мельком подумала, что от общих вопросов они как-то очень быстро перешли к частностям. И сколько бы Дуг ни называл эти частности «чепухой», для Глэдис они имели огромное значение.

– Наш брак продержался семнадцать лет, – обиделся Дуг. – И продержится еще долго, если ты не станешь раскачивать лодку и перегружать ее бреднями о своей карьере, таланте, поездках в Корею или о какой-то там «любви» после семнадцати лет замужества. Кто в зрелом возрасте способен на подобные детские чувства? Рассчитывать на что-то подобное всерьез – глупость!

Тут Глэдис вздрогнула, словно получила пощечину, и ее устремленные на мужа глаза расширились от ужаса и негодования.

– А вот я рассчитываю на это, Дуг, – сказала она чуть дрожащим голосом. – И всегда рассчитывала. Иначе в нашем браке просто нет смысла. Я люблю тебя по-прежнему, и всегда любила, иначе почему бы я оставалась с тобой?

– Гм-м, приятно слышать, но, право же, пора тебе оставить твои безумные романтические иллюзии. Быть замужем за кем-то, равно как и быть женатым – самая прозаическая вещь на свете.

– Почему так? Почему это должно быть так? – Глэдис решила идти ва-банк. Прошлым вечером Дуглас не оставил камня на камне от ее надежд, сегодня он пустил по ветру уверенность в том, что ее брак – счастливый брак. Глэдис больше нечего было терять. – Ведь семейная жизнь только выиграла бы, если к ней добавить капельку романтики, а без любви она и вовсе не может существовать – я в этом убеждена. Просто многим это невдомек. Если бы тот же Джефф почаще задумывался, как ему повезло, что у него есть Мэйбл, он вел бы себя иначе. Тогда ей и в голову бы не пришло встречаться с чужими мужьями.

– А я уверен, что Мэйбл просто распущенная дрянь и развратница. При чем тут какие-то надуманные промахи или ошибки Джеффа?

– Не будь так уверен! – отрезала Глэдис. – Твой Джефф просто глуп. И слеп в придачу.

– Нет уж, это твоя любимая Мэйбл глупа, если к пятидесяти годам все еще сохраняет детские представления о любви, браке и всем подобном. Это все чушь собачья, Глэдис! Ты не можешь этого не понимать!

Глэдис долго молчала и только потом слегка кивнула. Она очень боялась, что если заговорит, то не выдержит и либо расплчется, либо встанет и уйдет. Все же ей удалось сдержаться, но ужин они заканчивали в молчании, лишь время от времени обмениваясь ничего не значащими фразами.

Вот так за один вечер Дуг умудрился разрушить все, во что она верила. Он уничтожил все ее представления о браке вообще и о ее собственной семье в частности. Но, самое главное,

он с презрением отозвался о том, что она делала и что мечтала делать. Теперь Глэдис была для Дуга не возлюбленной и даже не женой, а кем-то, на кого он «мог положиться и доверить воспитание своих детей».

По дороге домой Глэдис думала только о том, не позвонить ли ей Раулю, чтобы принять его предложение. Но как бы сильно она ни сердилась на Дуга и каким бы глубоким ни было ее разочарование, она никогда бы не поступила так с детьми.

– Я прекрасно отдохнул, – заявил Дуглас, сворачивая на подъездную дорожку возле их дома. Глэдис вздрогнула. – Кроме того, я рад, что мы окончательно решили вопрос о твоей работе. Думаю, теперь ты понимаешь, что я по поводу всего этого думаю, и сама позвонишь Раулю, чтобы он навсегда оставил тебя в покое.

Он говорил так уверенно, словно ни секунды не сомневался в том, что достаточно ему высказать свое желание вслух, и Глэдис тотчас же его исполнит. Дуг даже не говорил, а вещал, и одно это вызывало в Глэдис глубокий внутренний протест. И еще страх. Она еще никогда не видела Дуга таким, но, с другой стороны, за все семнадцать лет брака Глэдис еще ни разу не обсуждала с ним столь принципиальных вопросов.

– Что ж, – вздохнула она, пока они еще сидели в машине, – теперь я действительно точно знаю, как ты ко всему этому относишься. И мне, признаться, очень грустно...

– Не глупи, – отозвался Дуг. – Мэйбл несет чушь, а ты ее слушаешь. Она еще не то выдумает, лишь бы оправдать свое поведение, которое становится по-настоящему вызывающим. Она сама это чувствует. Мэйбл нужны единомышленники и сочувствующие, и ты едва не стала одной из них. Я настоятельно прошу тебя, Глэдис, держаться подальше от этой женщины. Хорошему она тебя не научит – только собьет с толку.

Но не Мэйбл сбивала ее с толку. Это Дуг заставил Глэдис утратить почву под ногами. Всего за несколько часов он наговорил ей такого, чего никакой Мэйбл не пришлось бы в голову. В частности, она узнала – и Дуг заявил ей об этом с предельной откровенностью – что он больше не любит ее и, возможно, никогда не любил. По его мнению, любовь существовала только для дураков и детей.

– Каждому человеку необходимо рано или поздно стать взрослым, – невозмутимо добавил Дуг, отворяя дверцу машины. – Только твоя Мэйбл так и не выросла.

– Зато ты у нас слишком взрослый, – сказала Глэдис.

Ей очень хотелось побольнее уязвить его. Впрочем, Дуглас снова ее не понял, как, похоже, не понимал все эти годы. Теперь она не знала, что думать, что чувствовать и – главное – как жить дальше.

– Мне понравилось в ресторане. А тебе? – спросил Дуг, когда они вошли в прихожую.

В доме было тихо, и Глэдис подумала, что из всех ее детей только Джессика, наверное, еще не спит. Час был действительно поздний.

– По-моему, еда была даже вкуснее, чем обычно, – как ни в чем не бывало продолжал Дуг, не замечая состояния Глэдис. Она вдруг поняла, что он, как айсберг, потопивший «Титаник». Ледяная гора, бесшумно возникшая из тумана, бьет в бок несчастный пароход и величественно удаляется, даже не заметив, что произошло. С кем же это она прожила полжизни? Потонет ли ее корабль сейчас или несколько позднее, но ему не удержаться на плаву. Хотя можно и уступить Дугу, смирившись с ролью надежного и верного «товарища», на которого всегда можно положиться. Этого, во всяком случае, хотел Дуглас. Именно этого он от нее ждал и теперь, и всегда. Где были ее глаза? Ему не нужны были ее душа и сердце, которые теперь осиротели, лишившись главного, что поддерживало ее жизнь.

– Там действительно хорошо готовят. Спасибо, Дуг, – откликнулась она безжизненным, деревянным голосом и поднялась вверх, чтобы провести детей. Джессика еще смотрела телевизор, и Глэдис посидела с ней минут десять. Остальные, как она правильно догадалась, давно спали, и, заглянув к каждому из них, Глэдис отправилась в свою спальню. Дуг как раз разде-

вался, но, услышав ее шаги, оглянулся через плечо. Глэдис стояла на пороге, и в ее неподвижной фигуре действительно было что-то странное.

– Все еще переживаешь из-за той чепухи, которую наболтала тебе Мэйбл? – спросил он.

Глэдис немного поколебалась, потом отрицательно покачала головой. «Неужели, – пронеслось у нее в голове, – он действительно настолько глух, слеп и глуп, что не видит, не чувствует, что он натворил?» Но пытаться объяснять ему что-либо было бессмысленно – теперь это было ей совершенно очевидно.

И, глядя на него, сидящего на кровати в нелепой позе с одним снятым носком, Глэдис подумала, что этот день она никогда не забудет.

Глава 3

На протяжении последующих трех недель Глэдис жила как в тумане. Словно автомат, она готовила завтраки и ужины, отвозила детей в школу, забирала из школы, ходила с ними на тренировки и соревнования. Впрочем, внешне она нисколько не изменилась, и даже дети не обратили внимания на то, что впервые за много, много лет их мать выходит из дома без своего любимого «Никона».

А Глэдис казалось, что теперь это ей ни к чему. Она чувствовала себя так, словно кто-то нанес ей смертельную рану. Руки ее безотказно выполняли привычную работу с обычной сноровкой. Но дух ее был мертв, и она не сомневалась, что тело вскоре последует за ним.

И прекрасно. Слова Дугласа настолько лишили ее всякого желания жить, что теперь ей хотелось только одного – ничего не чувствовать и не знать. С каждым днем ей приходилось прилагать все бóльшие усилия, чтобы исполнять то, что от нее требовалось.

«Я – как заводная кукла, у которой кончился завод, – часто думала Глэдис, в задумчивости замирая посреди кухни с не убранной в шкаф тарелкой в руках или склоняясь над стиральной машиной с невскрытой пачкой порошка. – Или как проколота автомобильная камера, из которой вышел весь воздух и которая больше ни на что не годится».

Она по-прежнему часто виделась с Мэйбл Джонс, и ей было известно, что та продолжает встречаться с Дэном Льюисом. Мэйбл довольно прозрачно намекала Глэдис на какой-то отель, который они облюбовали для своих романтических свиданий. Заметив, что Глэдис пребывает в подавленном настроении, Мэйбл решила, что подруга все еще расстраивается по поводу неудавшейся поездки в Корею.

Но, несмотря ни на что, Глэдис все же не стала звонить Раулю Лопесу и просить его вычеркнуть свое имя из клиентских списков. Больше того, она твердо решила этого не делать, хотя сейчас ей меньше всего хотелось снова поднимать вопрос о работе, отстаивать какие-то свои права, убеждать, добиваться своего. Единственное, что она хотела, это как можно скорее уехать на мыс Код и попытаться забыть все случившееся. Кроме того, ей казалось, что, если они с Дугом не будут видеться каждый день, быть может, они начнут думать друг о друге несколько иначе. В любом случае рана, нанесенная ей мужем, была слишком глубока. Глэдис необходимо время, чтобы оправиться, если, конечно, она собиралась и дальше жить с ним. Если же нет, то силы ей тем более понадобятся.

Это оставалось пока на уровне почти подсознательном, ибо даже в мыслях Глэдис старательно избегала всякого намека на то, что им с Дугом придется расстаться. «Может быть, все еще как-нибудь образуется и мы начнем относиться друг к другу как прежде!» – твердила она себе в минуты отчаяния, хотя и не представляла, как можно относиться «как прежде» к человеку, который чуть не открытым текстом заявил, что больше ее не любит. Как можно уважать человека, который с презрением отмахнулся от твоей любимой работы, пусть даже ее ценность была для него спорной?

После их разговора в ресторане Глэдис стала исподволь наблюдать за Дугом и... не узнавала его. Между тем он вел себя так, словно бы даже не подозревал о том, какую боль причинили Глэдис его пренебрежительные слова. Главным для Дуга по-прежнему оставался бизнес. Дни проходили совершенно как всегда, безо всяких изменений. Когда же они ложились и Глэдис отказывалась от близости, Дуг приписывал это обычной усталости. Ему ни разу даже не пришло в голову, что жена просто не хочет заниматься с ним любовью.

А Глэдис действительно избегала супружеских отношений, однако так не могло продолжаться вечно, поэтому она испытала огромное облегчение, когда пришла пора отправляться на мыс Код. Все необходимое Глэдис собрала и упаковала моментально.

Утром того дня, когда они уезжали в своем «Грейгаунде», как прозвал Сэм их потрепанный универсал, Дуг вышел проводить их на лужайку перед домом. В последнюю неделю Глэдис почти не видела его – он был так занят с новыми клиентами, что дважды даже оставался ночевать в Нью-Йорке, однако на сегодня Дуг специально отпросился, чтобы попрощаться с семьей. Глэдис даже почувствовала, как на сердце у нее теплеет от этого неожиданного знака внимания. Но Дуг чуть не забыл поцеловать ее на прощание, и настроение снова упало. В конце концов она все же получила поцелуй, но он был машинальным, торопливым и уже не мог поправить дела.

Но в остальном все было в порядке. Дети и собака – с ней, в салоне универсала, узлы, чемоданы и сумки – в багажном отделении (их оказалось так много, что заднюю дверцу они закрывали втроем), и ничто не мешало отправиться в путь. Глэдис в последний раз махнула Дугу в приоткрытое окошко, и все.

– Звони почаще, хорошо?! – крикнул он, когда машина уже трогалась с места, и Глэдис улыбнулась и кивнула. Через две минуты она уже сворачивала с подъездной дорожки на шоссе.

Глэдис ни разу не обернулась, ни разу не посмотрела в зеркало заднего вида. У нее было такое ощущение, что ее провожал не муж, а какой-то посторонний, малознакомый человек. Дуглас уже сказал ей, что вряд ли сможет навестить их в ближайшие выходные, а буквально накануне отъезда он намекнул, что из-за срочной работы у него вообще не будет выходных вплоть до четвертого июля, Дня независимости. Но ее это только обрадовало; Дуглас же, втайне опасавшийся, что Глэдис будет жаловаться и возмущаться, решил, что она просто «отличный парень». Он так и не заметил, что со дня визита в «Ма Пти Ами» Глэдис ходит как в воду опущенная.

Ехали без приключений. Все дети были в отличном настроении и без умолку болтали, не в силах дожидаться, когда же они доберутся до побережья и увидят своих друзей. Только Джессика заметила, что Глэдис сегодня как-то особенно рассеянна.

– Что-нибудь случилось, мама? – спросила она тихонько.

Глэдис была до глубины души тронута вниманием дочери.

– Нет, все в порядке. Просто я, наверное, немного устала, – ответила Глэдис. Рассказывать Джессике о ссоре с Дугом ей не хотелось – вряд ли дочь сумела бы понять ее, несмотря на свои четырнадцать лет. Кроме того, вообще ни к чему, чтобы Джессика знала о разногласиях между ее матерью и отцом.

– А почему папа не сможет приехать к нам в выходные? – снова спросила Джессика. Она была гораздо наблюдательнее, чем предполагала Глэдис, и уже давно заметила, что между ее родителями что-то неладно. Впрочем, она не очень волновалась по этому поводу, решив, что Глэдис и Дуг просто поссорились в минуту дурного настроения. С кем не бывает? Хотя надо признать, что в их семье такое было редкостью.

– Ему приходится много работать, – объяснила Глэдис. – Боюсь, что и в следующие выходные он тоже не сумеет выбраться. Зато в августе у него отпуск, целых три недели. Разумеется, он проведет их с нами.

Этого оказалось вполне достаточно. Выслушав ее, Джессика натянула на голову наушники своего «Уокмена», и до самого Харвича Глэдис не услышала от нее ни одного слова. Сейчас это было очень кстати, хотя обычно она непременно попыталась бы как-то отвлечь дочь от ее дурацкой музыки.

Накануне отъезда Глэдис еще раз встретила с Мэйбл. В ближайшие выходные ее подруга должна была лететь в Париж с мужем и детьми, однако никакой особенной радости по этому поводу не испытывала. Ее отношения с Дэном Льюисом были, что называется, «на мази», и Мэйбл очень не хотелось расставаться с ним. У нее было вполне достаточно здравого смысла, чтобы понимать: этот роман не выдержит испытания ни временем, ни расстоянием. «Стоит мне уехать, – объясняла она Глэдис, – и на мое место найдется с десяток девчонок

помоложе и попокладистее. К тому же Дэнну тоже надо как-то устраивать свою жизнь. Словом, кобель – он и есть кобель...» – резюмировала она.

Подобная откровенность несколько смутила Глэдис, но она все же попросила Мэйбл позвонить ей, когда та вернется из Европы. «Быть может, – сказала Глэдис, – у тебя останется свободная неделька и ты с мальчиками сможешь приехать к нам на побережье». Мэйбл обещала подумать, хотя и сказала, что из этого вряд ли что-нибудь выйдет.

День клонился к вечеру, когда они наконец добрались и Глэдис, выйдя из машины, смогла наконец как следует размять затекшие ноги. С их участка открывался превосходный вид на океан, и, вглядываясь в его голубые просторы, Глэдис испытала чувство облегчения. «Да, – подумала она, – я правильно поступила, когда не стала пороть горячку. Полтора месяца в таком чудном месте – это как раз то, что мне нужно. Здесь я, по крайней мере, сумею успокоиться и разложить все по полочкам».

В самом деле, до последнего гвоздя знакомый одноэтажный щитовой коттедж буквально дышал спокойствием и действовал на нее умиротворяюще, к тому же рядом было море, созерцать которое рекомендуется даже буйнопомешанным (при мысли об этом Глэдис невольно улыбнулась). По соседству – в таких же коттеджах – жили ее старые друзья из Чикаго, Бостона и Нью-Йорка. Все было прекрасно. Исчезали все скучные заботы. Оставалось общение с детьми, полноценное, свободное, не ограниченное массой срочных дел. И оставалось время, то самое время, которого так не хватало, чтобы подумать о жизни. Особенно теперь, в той непростой ситуации, которая сложилась в их семье.

Вдруг Глэдис поймала себя на том, что думать ни о чем таком ей как раз и не хочется. Больше того, ей не хотелось даже звонить Дугу, чтобы сообщить: доехали нормально. Она никак не могла заставить себя сделать это. Кончилось тем, что Дуглас позвонил первым.

– Ну как, все в порядке? – спросил он, и Глэдис уверила его, что все просто отлично. Коттедж к их приезду вымыли и просушили, крыша не протекала, ставни и окна были целы, а дорожка перед крыльцом засыпана свежим песком. Выслушав ее, Дуг поинтересовался: – Почему ты не позвонила мне сразу, как только вы приехали? Я уже начал беспокоиться, не случилось ли что по дороге.

«Боже мой! – с раздражением подумала Глэдис. – Какая ему разница, когда я позвоню – сразу по приезде или через час? Что ему за дело? Он боится потерять «надежного партнера», которому он может доверить своих детей? Но ведь если со мной что-нибудь случится, всегда можно нанять няню!»

– Извини, Дуг, – ответила она. – Мы все были очень заняты: надо было открыть дом, распаковать и разложить вещи.

– У тебя усталый голос, – заметил он. Глэдис действительно устала – в последние несколько недель она чувствовала себя так, словно по ночам ей приходилось грузить мешки в порту. Отчего же Дуг заметил это только сейчас?

– Ты же знаешь, дорога до Харвича не из легких, – ответила она. «Дети, собака и шофер живы-здоровы и чувствуют себя нормально», – хотелось ей добавить, но она сдержалась. Вряд ли Дуг способен был правильно ее понять.

– Жаль, что я не смог поехать, – промолвил Дуг. – Как бы мне хотелось отдыхать с вами на пляже, вместо того чтобы возиться здесь с клиентами!

Голос его звучал вполне искренне. Возможно, Дуг действительно хотел бы оказаться сейчас с семьей, но не ради нее, а ради отдыха у моря.

– Ничего, – ответила Глэдис. – Когда ты будешь посвободнее, ты сможешь проводить с нами каждые выходные. А там, глядишь, и отпуск...

В голосе ее прозвучала положенная доля участия, но на самом деле больше всего Глэдис хотелось, чтобы этот разговор как можно скорее прекратился. Ей совершенно нечего было сказать Дугу. Она чувствовала себя выжатой досуха, пустой, как фляга пьяницы к утру, еще

немного, и она просто засомневалась бы в собственном существовании, настолько покинули ее жизненные силы.

– Мы тебе еще позвоним, – произнесла она как можно естественнее, и через минуту оба положили трубки. Дуг не сказал ей, что любит ее. Странно, что она начала замечать это только сейчас, когда было уже поздно. Может быть, в том, что любовь исчезла, есть доля и ее вины? Что же теперь делать?

Глэдис вернулась к детям и помогла им застелить кровати, поскольку сервис-служба не удосужилась этого сделать. Когда все было готово, они быстро поужинали, после чего дети отправились спать, а Глэдис решила заглянуть в чулан, который она переоборудовала под фотолабораторию.

Они не были здесь уже почти год, однако, включив свет, Глэдис обнаружила, что все осталось как было. На длинном столе в образцовом порядке были разложены бачки, кюветы, баночки с реактивами, стояли красный фонарь, увеличитель в полотняном чехле и японский автомат для цветной печати. Вся стена над столом была увешана фотографиями, сделанными ее отцом. Было и несколько ее снимков, в том числе – портрет Дуга, сделанный лет семь назад.

Остановившись перед ним, Глэдис долго всматривалась в знакомое ей до последней черточки лицо. Заметив в глазах Дуга то же выражение холодности, которое так поразило ее недавно, Глэдис подумала: «Значит, я была слепа и не замечала очевидного». Но почему? Сама ли она хотела обманываться или просто не обратила внимания на то, что человек, которого она когда-то любила, изменился? Почему она прозрела только после того, как Дуг произнес жестокие слова о том, что в браке любовь не нужна? Быть может, потому, что подсознательно ей хотелось любить и быть любимой?

С трудом оторвав взгляд от портрета Дуга, Глэдис посмотрела на фотографию отца. Он был высок, строен, широкоплеч и чем-то напоминал Дугласа в молодости, однако даже на фотографии в его глазах был виден смех, а поза – да и весь его облик – выдавали натуру порывистую, романтическую, страстную. Глэдис почти не сомневалась, что ее отец не потерял бы способности любить в любом возрасте. Но Джек Уильямс погиб, когда ему было сорок два года.

Снимок, сделанный кем-то из друзей-фотографов, запечатлел ее отца лет на пять раньше. Мысленно сравнивая его с Дугласом, Глэдис невольно подумала, что даже на стареньком фото Джек Уильямс выглядит гораздо более живым. И дело было даже не в разнице в возрасте. Просто чуть склоненное, улыбающееся лицо ее отца излучало такую энергию, такую любовь и нежность, каких она не помнила и у двадцатилетнего Дугласа. Неудивительно, что ее мать очень страдала, когда он надолго уезжал. Из-за его постоянного отсутствия жизнь их нельзя было назвать легкой, но Глэдис была уверена, что ее отец и мать очень любили друг друга.

Не любить такого человека, как ее отец, было, наверное, просто невозможно. Но, когда он погиб, любовь матери к нему превратилась во что-то совершенно противоположное. Глэдис помнила это так ясно, словно все было вчера. Ее мать не могла простить мужу, что он погиб так нелепо, оставив их одних. Она, как и Глэдис, не представляла себя без него.

С тех пор прошло двадцать восемь лет – почти целая жизнь, – однако отец продолжал оставаться для Глэдис эталоном мужчины. И ей было вдвойне горько оттого, что Дуглас больше не соответствовал в ее глазах этому высокому идеалу.

Глэдис взглянула и на свои немногочисленные работы. Фотографии были очень хороши – не признавать этого было бы просто глупо. Лица, позы, фон – все было «говорящим», все передавало мысль, чувство, настроение, и это роднило фотографии с живописью. Особенно сильные чувства разбудила в ней одна из самых лучших ее фотографий – портрет молодой индианки, державшей на руках только что родившегося ребенка. Глэдис сама помогала принимать этого малыша, когда работала в миссии Корпуса мира в Кито, и очень хорошо помнила, как лучились счастьем глаза и лицо молодой матери. И, кажется, ей удалось запечатлеть все это.

Каждый снимок был как бы кусочком ее жизни, выхваченным из потока времени, спасенным от тления и забвения, и, глядя на них, Глэдис не хотелось верить, что ничего подобного в ее жизни уже никогда не будет. Не обокрала ли она сама себя? Когда Глэдис вспоминала о детях, ей казалось, что нет. Но ведь дети скоро вырастут, вырастут и уедут. Что останется у нее тогда?

И на этот вопрос ответа Глэдис не нашла.

Проверив оборудование и реактивы, она сделала кое-какие пометки и, погасив свет, пошла к себе в спальню. Она долго лежала без сна, прислушиваясь к неумолчному шороху океана. Этот мирный звук она забывала каждую осень, когда возвращалась в Уэстпорт, и каждое лето открывала заново. В конце концов прибой убаюкал ее, и под тот же мерный рокот Глэдис проснулась утром – проснулась с мыслью, что она здесь одна и что рядом нет никого, кроме детей, ее воспоминаний и океана.

И сейчас это было все, что ей нужно.

Глава 4

Утреннее солнце сияло по-летнему ярко, и океан казался оправленным в серебро. Когда Глэдис выбралась из спальни, дети уже встали и подкреплялись на кухне молоком и кукурузными хлопьями, предусмотрительно захваченными накануне в одном из «Макдоналдсов». По случаю теплой погоды и начала пляжного сезона Глэдис была в белой майке, шортах и сандалиях-римлянках на ремешках, которые она очень любила. Волосы она разделила на пробор и скрепила двумя черепаховыми заколками. Джессика тут же объявила матери, что она выглядит просто прелестно.

– Ну что, какие планы на сегодня? – бодро спросила Глэдис, ставя на огонь воду для кофе и придвигая поближе блюдо с кукурузой. Кроме нее, кофе никто не пил, но она любила посидеть утром на веранде, прихлебывая кофе, любуясь океаном и листая какой-нибудь иллюстрированный журнал. Десять минут подобного праздного времяпрепровождения заряжали ее праздничным настроением чуть не на весь день.

– Я должна навестить Бордманов, – быстро сказала Джессика, и Глэдис кивнула. У Бордманов было трое сыновей пятнадцати, семнадцати и девятнадцати лет и дочь – ровесница Джесс. С Маршей Бордман Джессика дружила чуть не с детского возраста, но Глэдис подозревала, что теперь ее дочь больше интересуют братья Марши, старший из которых закончил первый курс колледжа.

У Джейсона тоже был в Харвиче приятель, который жил чуть дальше по улице. Он был из Мэриленда, где школьников распускали на каникулы на два дня раньше, и Джейсон еще накануне созвонился с ним и договорился о встрече. Эйми хотела купаться с подругами, и Глэдис обещала обзвонить знакомых и организовать поход к морю («Вот только выпью чашечку кофе, дорогая...»). Сэм же сказал, что не прочь погулять с ней по берегу. Глэдис этот план вполне устраивал. Она пообещала сыну, что они обязательно устроят вылазку, если он разберет свои старые игрушки, оставшиеся в коттедже с прошлого года. Сэм с готовностью согласился, а заодно решил привести в порядок велосипеда.

К половине одиннадцатого утра все вопросы были решены, и Глэдис с Сэмом отправились прогуляться, прихватив собаку. Сэм нашел среди игрушек старый теннисный мяч, который он то и дело бросал Кроку, а тот приносил, бесстрашно забираясь в воду по самое брюхо. Глэдис шагала по плотному, чуть влажному песку немного позади них, и на плече ее снова висел фотоаппарат. Она положила его в машину лишь в последнюю минуту перед отъездом, сделав это скорее по привычке.

Каникулы едва начались, отдыхающие только-только съезжались в Харвич, и они прошли чуть не целую милю, прежде чем встретили знакомых. Дик и Дженни Паркер были хирургами из Бостона, а на мыс Код приезжали с незапамятных времен, когда их сын – ныне студент Гарвардского медицинского колледжа – был еще совсем маленьким. Самому Дику было что-то около пятидесяти, Дженни была на два года его старше, однако оба неплохо сохранились и выглядели много моложе своих лет. Заметив Глэдис и Сэма, они еще издали заулыбались и замахали руками.

– А я уже давно гадаю, когда же вы наконец приедете! – сказала Дженни, целуя Глэдис. – Как дела, Сэм? А где Дуглас? Неужели работает?

– Мы приехали вчера вечером, – объяснила Глэдис. – У Дуга действительно много работы, так что он, наверное, появится только через неделю, а то и через две. У него сейчас большой наплыв клиентов, а двое клерков выбыли из строя.

– Жаль, жаль, – сказал Дик, качая головой. – Четвертого июля мы хотели устроить пикник, и я надеялся, что вы придете вместе. Что ж, я вас все равно приглашаю, а там как вый-

дет. В этом году Дженни решила нанять повара, так что жареные ребрышки будут в целости и сохранности.

– Зато бифштексы у тебя получились отлично, – улыбнулась Глэдис, которая прекрасно помнила, как в прошлый раз Дик устроил настоящий фейерверк. Свиные ребрышки горели синим пламенем в буквальном смысле слова, а гамбургеры превратились в головешки.

– Спасибо на добром слове. – Дик тоже улыбнулся. Он был рад видеть Глэдис и к тому же питал слабость к ее мальчишкам, поскольку его собственный сын давно вырос. – Приходите всей семьей, мы вас будем очень ждать.

– Хорошо, мы постараемся, – кивнула Глэдис и тут же спросила, кто еще из общих знакомых уже приехал в Харвич. Дженни назвала ей довольно много имен, и Глэдис была рада узнать, что большинство друзей и соседей уже на месте. Значит, подумала она, у детей будет своя компания.

– Угадай, кто еще будет у нас на пикнике? – добавила Дженни, и Глэдис улыбнулась. У Паркеров было полно знакомых, к ним постоянно кто-то приезжал, и в их коттедже на самом берегу можно было встретить кого угодно – от знаменитого бейсболиста до сенатора Соединенных Штатов.

– Наверное, Майкл Джексон, – сказала она, приняв серьезный вид, и Дженни прыснула.

– Нет, его мы еще не лечили. Впрочем, эти гости тоже не из числа наших пациентов. К нам приедет Селина Смит с мужем!

– Та самая Селина Смит? – удивилась Глэдис. Разумеется, она знала эту известную писательницу, романы которой регулярно попадали в списки бестселлеров. Глэдис читала их все, и у нее сложилось впечатление, что Селина – интересная женщина.

– Ну да, – кивнула Дженни. – Я училась с ней в колледже. Потом мы на несколько лет потеряли друг друга из виду. И только в прошлом году я снова встретила с ней в Нью-Йорке. Селина очень мила, с ней не соскучишься, да и муж ее мне тоже очень понравился.

– А какая у него яхта! – вставил Дик. – Он с дюжиной друзей обошел на ней вокруг света. Это действительно чудо! Ну вы еще полюбуетесь – Селина и ее муж проведут у нас целую неделю.

– Вы нам скажите, когда они приплывут, и мы обязательно сходим посмотреть, – наивно попросила Глэдис, и Дик и Дженни рассмеялись.

– Таковую машину трудно не заметить. Яхта имеет сто семьдесят футов в длину, а экипаж состоит из девяти человек. Селина и ее муж очень хорошо обеспечены, что не мешает им быть по-настоящему приятными людьми. Думаю, что они вам понравятся. Жаль только, что Дугласу приходится работать.

– Да, он, конечно, расстроится, – вежливо сказала Глэдис, хотя ей было прекрасно известно, что при одном взгляде на обычный прогулочный ялик у Дуга начинается морская болезнь. Но не объяснять же это Паркерам, к тому же в ее семье было как минимум два человека, которые морской болезнью не страдали. И она сама, и в особенности Сэм были очень не прочь посмотреть на красавицу яхту и, быть может, даже немного на ней прокатиться.

– А кто ее муж? – поинтересовалась она.

– Да ты наверняка тоже его знаешь. Это Пол Уорд, известный финансист и банкир.

Глэдис кивнула. За последние несколько лет портрет Уорда дважды появлялся на обложке «Таймс», к тому же она читала статьи о нем в «Уолл-стрит джорнэл». Полу Уорду было слегка за пятьдесят, однако выглядел он гораздо моложе. Почему-то Глэдис не связывала его имя с именем Селины Смит, но это было как раз неудивительно – известность одного не зависела от славы другого, поэтому человек, который не следил за светской хроникой, воспринимал их как две вполне самостоятельные фигуры.

– Мне очень хотелось бы познакомиться с ними, – честно призналась Глэдис и улыбнулась. – Похоже, у нас в Харвиче начинает оседать чуть ли не высшее общество – миллиардеры и

финансисты, роскошные яхты, знаменитые писательницы... По сравнению с ними все остальные будут выглядеть серенькими воробышками.

– Ну, тебя-то никто не назовет серенькой, – ответил Дик, дружески обнимая ее. Он не только считал Глэдис весьма привлекательной и эффектной женщиной, но и разделял ее страсть к фотографии, хотя по сравнению с ней Дик был, конечно, просто любителем.

– Кстати, мне давно хотелось у тебя спросить... – добавил он. – Ты работала этой зимой? Какие новые репортажи ты сделала?

Глэдис смущенно пожала плечами.

– Нет. После Гарлема я не сделала ничего, что стоило бы внимания.

Она рассказала, как сорвался корейский заказ.

– Да, жалко... – протянул Дик, внимательно выслушав ее. – Очень жалко. Я уверен, что ты сумела бы подать этот материал как никто другой.

– К сожалению, у меня не было возможности оставить детей на целый месяц, – заученно повторила Глэдис. – Кроме того, Дуг выходит из себя каждый раз, когда я заговариваю о работе. Он не хочет, чтобы я возвращалась к фотографии.

– Не понимаю... – пожал плечами Дик, обращаясь к Дженни в поисках поддержки, но его жена болтала с Сэмом и, казалось, ничего не слышала. – Ведь у тебя талант! Хоть он тебе и муж, но с его стороны просто преступление запереть тебя в четырех стенах и не давать заниматься делом.

– Очевидно, Дуг так не считает, – кротко ответила Глэдис и вымученно улыбнулась. – Кажется, он боится, что работа помешает мне выполнять мои материнские обязанности. Вряд ли он прав, но переубедить его...

Она снова взглянула на Дика, и по выражению ее глаз он понял, что эта тема для нее весьма и весьма болезненна.

– Пусть Дженни поговорит с ним об этом, – сказал он решительно. – Примерно пять лет назад я предложил ей уйти на пенсию, так она чуть меня не прибила, хотя мне просто казалось, что она слишком много работает. Ты ведь знаешь, что она не только преподает, но еще и практикует: в Центральной бостонской лечебнице ей поручают самые сложные операции. Честное слово, мы тогда чуть не развелись, и я дал себе слово, что не буду заговаривать об этом, пока Дженни не исполнится лет восемьдесят.

И он с любовью посмотрел на жену.

– Даже и не думай! – отозвалась Дженни, которая уловила последнюю часть разговора. – Не знаю, как насчет практической хирургии, но преподавать я буду до тех пор, пока мне не стукнет сто!

– С нее станется, – кивнул Дик и снова улыбнулся Глэдис. Он всегда получал истинное удовольствие, глядя на нее. Как естественна, как хороша собой! Глэдис, похоже, не отдавала себе отчета в том, какое впечатление она производит. Должно быть, подумал Дик, ей даже в голову не приходит, что, пока она смотрит на мир сквозь объектив своего фотоаппарата, мир смотрит на нее.

Паркеры засобирались домой, чтобы успеть встретить каких-то друзей, которые приезжали сегодня, Глэдис пообещала заглянуть к ним через пару деньков и помочь Диду освоиться с его новым фотоаппаратом.

– Не забудь про Четвертое июля! – напомнила Дженни, и они разошлись. Глэдис, Сэм и Крок пошли дальше по берегу, а Дик и Дженни некоторое время стояли и смотрели им вслед.

– Не понимаю, почему Дуг не хочет, чтобы Глэдис работала, – рассуждал Дик, когда они уже возвращались обратно. – Ведь она не любительница, как я. До того, как они поженились, она делала блестящие фоторепортажи! Да и после этого тоже...

– Не забывай, что у них четверо детей, – напомнила Дженни, которая в любом споре всегда старалась выслушать обе стороны. Впрочем, об отношении Дуга к профессии жены она

уже давно догадалась. Дуг почти никогда не говорил о фотографиях Глэдис, не говоря уже о том, чтобы гордиться ее достижениями.

– Ну и что? – спросил Дик. – Дети уже большие. Ты же видела Сэма – он вполне способен позаботиться о себе. А он ведь у них младший.

– В общем-то, ты прав, – согласилась Дженни, немного подумав. – Конечно, девять лет – это еще не девятнадцать, и все же... Да, ты прав! Стыд и срам, что Дуглас не разрешает ей работать! И в эту Корею она вполне могла поехать. Дуг зарабатывает не так уж мало. Ему по карману нанять на это время няню для детей. В любом случае нельзя делать из жены домохозяйку в угоду собственному «я».

– Что-то ты развевалась, Аттила! – поддразнил ее Дик. – Я-то с тобой согласен. Лучше скажи об этом Дугу.

– Извини. – Дженни улыбнулась, и Дик нежно обнял ее за плечи. Они поженились, еще когда учились в Гарварде, и до сих пор были без ума друг от друга. – Я кричала не на тебя, а вообще. Ты, разумеется, прав. Терпеть не могу, когда мужчина так себя ведет, ведь это чертовски несправедливо. А если бы Глэдис потребовала, чтобы он бросил работу и заботился о детях, пока она будет разъезжать по всему миру? Он небось сразу бы встал на дыбы и решил, что она сумасшедшая!

– Нет, серьезно? Расскажите-ка нам об этом поподробнее, доктор Паркер!

– Хорошо, хорошо, не буду.

В это время Глэдис и Сэм тоже говорили о Паркерах. Сэм был рад, что их пригласили на пикник, к тому же ему не терпелось увидеть яхту мистера Уорда.

– Ты слышала, что сказал дядя Дик? – в десятый раз спрашивал он. – Яхта длиной сто семьдесят футов! Это же почти пятьдесят метров! Все равно что плыть по морю в своем собственном доме со всеми удобствами.

Глэдис кивнула.

– Действительно, очень большая. Сейчас мне просто трудно представить себе, что это такое, но, я думаю, мы скоро увидим ее своими глазами.

– Как ты думаешь, нам разрешат подняться на борт? – с замиранием сердца поинтересовался Сэм. Он недавно заболел морем и собирался записаться в Харвичский яхт-клуб, чтобы научиться ходить под парусами.

– Думаю, что да, – улыбнулась Глэдис. – В любом случае можно попросить Дика, чтобы он это устроил.

При этих словах Сэм буквально засиял. Глэдис вполне разделяла его восторг. Ей тоже было интересно увидеть гигантскую яхту, но еще сильнее ей хотелось познакомиться с Селиной Смит.

Дойдя до конца пляжа, они повернули обратно. На полдороге Глэдис сбросила туфли и побрела по щиколотку в воде. Сэм продолжал бросать Кроку мячик, но пес устал и гонялся за ним уже не так резво.

Когда они вернулись домой, никого не было. Перекусив и оставив записку с разъяснениями, где что лежит, они взяли велосипеды, решив объехать соседей и дать им знать о своем появлении. В последнем доме, который они навестили, оказалась целая компания друзей Сэма, и Глэдис со спокойным сердцем оставила сына там.

Когда она вернулась в коттедж, в гостиной надрывался телефон. Глэдис подумала, что это Дуг, и некоторое время размышляла, снимать ли трубку. Разговаривать с мужем ей совершенно не хотелось. Но ведь рано или поздно Дуг все равно до нее дозвонится.

Звонил Дик Паркер.

– Уорды приезжают завтра, – сказал он, едва заслышав в трубке ее голос. – Вернее, будет Пол на своей яхте, и с ним – целая компания. Селина прилетит на выходные самолетом. Я

звоню предупредить тебя, чтобы ты могла показать яхту Сэму. Завтра утром они уже будут здесь.

– Хорошо. Спасибо, Дик, – ответила Глэдис и отправилась на кухню, чтобы налить себе чашечку кофе. Никто из ее старших детей так и не пришел обедать. Но она знала, где они, и была совершенно спокойна. Летние каникулы на мысе Код нравились Глэдис главным образом тем, что не было никакой необходимости возить детей в школу и из школы, кормить обедами и укладывать спать. В Харвиче было безопасно, все семьи, приезжавшие сюда на лето, были давно знакомы друг с другом, и все дети постоянно находились под контролем. Усадить за стол товарищей сына или дочери здесь считалось хорошим тоном, поэтому Глэдис была уверена, что ее старшие не умрут с голоду.

Когда ближе к вечеру Сэм вернулся домой, Глэдис рассказала ему о звонке Дика Паркера.

– Дик обещал позвонить, как только яхта придет в яхт-клуб, – закончила она.

– Только бы он не забыл! – с беспокойством воскликнул Сэм, и эту же фразу он повторил, когда Глэдис укладывала его спать. Но она была уверена, что Дик ничего не забудет.

Вскоре после этого вернулись и остальные дети. На ужин имелись оставшийся от обеда суп, лимонад и попкорн. Единогласным решением суп они решили приберечь до завтра, а остальное вынесли на веранду и долго сидели в полутьме, болтая о разных разностях. Потом дети один за другим потянулись спать, и Глэдис впервые за много месяцев поняла, что ей совершенно нечего делать! Дуг так и не позвонил, а звонить самой Глэдис не хотелось, поэтому, убедившись, что дети спят, она отключила телефон и уединилась в своей лаборатории.

Когда Глэдис в конце концов пошла спать, было уже очень поздно. Над океаном висела полная луна, окруженная мириадами звезд, и Глэдис долго стояла на веранде, глядя на небо-свод. Ночь была великолепна, океан негромко шуршал почти у самых ее ног, и на мгновение Глэдис даже пожалела о том, что Дуга нет рядом. Быть может, подумала она, если бы они сейчас были вместе, им удалось бы многое забыть и начать все сначала. Ей хотелось быть любящей и любимой, и – вопреки всему – Глэдис продолжала мечтать об этом.

Неужели правда, что для Дугласа любовь давно стала пустым звуком?! Быть может, утешала себя Глэдис, глядя на испещренное звездами небо, он неточно выразился или она неправильно его поняла? Не может быть, чтобы он действительно видел в ней только надежную няню, гувернантку, уборщицу. Она хотела рука в руке бежать с ним по залитому лунным светом песку, лежать на траве под сосной и целоваться до одурения, как они когда-то целовались в Коста-Рике. Неужели Дуг забыл те времена? Что случилось с тем романтическим и влюбленным юношей, каким Дуг был двадцать лет назад, когда они оба работали в Корпусе мира?

Ответа на этот вопрос Глэдис не знала. Ей было ясно только одно: Дуг строит жизнь, о которой всегда мечтал, – размеренную, спокойную, обеспеченную. В ней было все, кроме любви. Дуг словно переродился, в нем не осталось ничего, или почти ничего, от человека, которого Глэдис когда-то полюбила. По его словам, он просто вырос, стал взрослым. Пусть так, но пока Дуг вырослел, он что-то потерял.

Глэдис, разумеется, тоже изменилась, но не настолько, чтобы забыть все, что их когда-то связывало. Во всяком случае, то, что произошло с ними теперь, иначе как позором она назвать не могла. Им обоим должно было быть стыдно за то, что они сделали с собой и со своей любовью.

Ложась в постель, она все еще продолжала раздумывать об этом, но усталость взяла свое. Незаметно для себя Глэдис заснула и спокойно спала до самого утра, ни о чем не тревожась и не видя снов.

Глава 5

Когда Глэдис проснулась, за окном сиял еще один погожий, солнечный день, и ветер с моря чуть шевелил занавески. Встав с кровати, Глэдис сладко потянулась и подошла к окну. И остолбенела. По водной глади скользила самая большая парусная яхта, какую ей когда-либо приходилось видеть. По палубе проворно двигались какие-то люди, на мачте и кливер-леере развевались яркие вымпелы, корпус был покрашен в глубокий синий цвет, а все палубные надстройки блестели, словно серебряные. Красота неопишная. Дику Паркеру вовсе незачем было звонить – Глэдис и так знала, что в Харвин прибыл Пол Уорд.

Яхта тем временем подошла совсем близко, и Глэдис, совершенно потрясенная ее величиной и высотой грот-мачты, понеслась будить Сэма.

– Сэм, вставай! Ты только посмотри! – воскликнула она, тряся его за плечо. – Она уже здесь!

– Кто – она?.. – Еще не до конца проснувшись, Сэм слез с кровати и, протирая глаза, подошел к окну. Глэдис театральным жестом отодвинула занавеску.

– Ух ты! – вырвалось у Сэма. Сон его как рукой сняло, глаза широко раскрылись, и он впился взглядом в красавицу-яхту. Но почти сразу же его лицо сделалось озабоченным.

– Они что, уже уплывают? – спросил он, испугавшись, что проспал все на свете.

– Я думаю, они идут в яхт-клуб, – ответила Глэдис, разглядывая яркий спинакер. Ветер, казавшийся ей слабым, так надувал парус, что он стал круглым, как мяч, и яхта скользила по воде с приличной скоростью. Несмотря на свои грандиозные размеры, она казалась очень легкой и грациозной, и Глэдис, спохватившись, бросилась за фотоаппаратом. На веранду они с Сэмом выбежали почти одновременно, и Глэдис успела сделать несколько замечательных снимков.

«Для журналов... – смущенно подумала Глэдис. – И для Дика Паркера».

В самом деле, яхта смотрелась очень живописно, и Глэдис была совершенно уверена, что снимки доставят Дику удовольствие.

– А можно позвонить дяде Дику сейчас? – спросил Сэм, с трудом сдерживая волнение, и Глэдис машинально посмотрела на часы.

– Думаю, – рассудительно сказала она, – лучше немного подождать. Сейчас восемь утра, они, наверное, только что встали.

– Но что, если яхта уйдет обратно в Нью-Йорк, прежде чем мы успеем ее посмотреть?

– Они ведь только приехали, милый. Дик говорил, что гости собирались пробыть у них неделю. Яхта никуда от нас не денется. Как насчет оладьев с повидлом, Сэмми?

Оладьи были единственным, что могло помешать Сэму немедленно бежать смотреть яхту, однако позавтракать он согласился весьма неохотно. Оладьи он глотал не жуя и в половине девятого все-таки уговорил мать позвонить Паркерам.

Трубку взяла Дженни, и Глэдис, извинившись за ранний звонок, в нескольких словах объяснила ситуацию. Услышав о том, что Сэм уже почти час сидит как на иголках, Дженни рассмеялась.

– Пол только что звонил нам, – сказала она. – Он приглашает нас на ленч. Яхта будет стоять в яхт-клубе, так что вы все успеете посмотреть.

– Так я и сказала Сэму, – ответила Глэдис. – Мне сразу показалось, что яхта идет в клуб, но ему спокойнее, если вы это подтвердите.

Глэдис бросила взгляд за окно, но яхта уже обогнула мыс и исчезла из вида, и Сэм, выбежавший на веранду с биноклем, разочарованно озирал пустой горизонт.

– Послушай, почему бы нам не пойти на ленч вместе? – неожиданно предложила Дженни. – Мне кажется, что для двух лишних гостей место найдется. Приходите с Сэмом... А если хотите – приходите все. Я позвоню Полу, думаю, он не будет возражать.

– Хорошо, я спрошу детей, а потом перезвоню. Спасибо большое, Дженни, боюсь только, что Сэм не доживет до обеда. Наверное, тебе придется заглянуть к нам и сделать ему успокаивающий укол.

– Это еще что! – ответила Дженни. – Посмотрим, что будет, когда он увидит яхту вблизи.

Проснулись остальные дети, Глэдис рассказала им о яхте и спросила, кто хочет сходить туда «на экскурсию», как она выразилась, однако у всех троих оказались свои планы на сегодняшний день. Джессике и Эйми паруса, пираты и кругосветные плавания были вообще мало интересны, что касалось Джейсона, то он хоть и задумался, однако в конце концов общество друзей показалось ему более привлекательным, и он тоже отказался.

– Ну вы и тупые! – с отвращением выпалил Сэм, пока они с аппетитом приканчивали олады. – Это наверняка самая большая яхта в мире! Мистер Уорд обошел на ней вокруг света и побывал в самых дальних странах.

– Откуда ты знаешь? – спросил Джейсон, на которого это заявление – в высшей степени эмоциональное если не по содержанию, то по тону – не произвело почти никакого впечатления. Вчера к его друзьям Тилтонам приехала их троюродная сестра. Такой прелестной девочки он не видел еще никогда в жизни – во всяком случае, ни одна яхта в мире не могла с ней сравниться.

– Но я сам видел яхту сегодня утром! – возмущился Сэм. – Скажи же им, мама! Она огромная, как... как...

Ему явно не хватало слов. Глэдис улыбнулась.

– Яхта действительно очень большая, – подтвердила она.

Но это никак не изменило ситуации. Эйми – как и Дуг – была подвержена морской болезни, и ничто не могло заставить ее ступить на палубу яхты, пусть даже надежно пришвартованной к причалу. Что касалось Джессики, то ее крайне интересовал старший из братьев Бордманов – тот самый, который поступил в колледж Дьюка, – поэтому она заявила, что уже вышла из того возраста, когда каждая дырявая калоша кажется как минимум Колумбовой каравеллой.

– Значит, мы пойдем вдвоем, – поспешила подвести итог Глэдис, и обалдевший от счастья Сэм великодушно простил сестре ее непочтительную реплику. – А вы сможете пойти в следующий раз, если, конечно, нас пригласят. Как бы там ни было, яхта стоит у причала и любоваться ею со стороны может всякий. Я постараюсь сделать как можно больше фотографий.

Надо заметить, что стосемидесятифутовая яхта была событием и в ее жизни, и она твердо решила не пропустить его.

Когда пробило двенадцать, они с Сэмом сели на велосипеды и отправились в гости. Сэм так волновался, что его велосипед все время опасно вилял. Дважды он чуть не свалился, и Глэдис пришлось сказать сыну, чтобы он успокоился.

– Без нас, – заявила она, – яхта все равно никуда не поплывет.

– Думаешь, мы сегодня выйдем в море? – спросил Сэм с надеждой.

– Не знаю, может быть, – честно призналась Глэдис. – Вывести такую громадину в море и снова вернуться к причалу – дело не простое, так что мистер Уорд, возможно, не захочет возиться. Но на палубе мы побываем обязательно.

– Ты только снимай побольше, ладно? – напомнил ей Сэм, и Глэдис рассмеялась. Она была очень рада видеть сына таким счастливым и взволнованным и тоже начинала смотреть на предстоящий визит на яхту детскими глазами. От этого вся ее тревога сразу куда-то улетила.

Вскоре они добрались до места и покатали по причалу прямо туда, где стояла гигантская яхта. Она была пришвартована в самом дальнем доке, но видно ее было издалека. Огромная

мачта вздымалась на высоту шестнадцатиэтажного дома, а сама яхта была едва ли не больше, чем здание клуба со всеми его пристройками. Ни одна из яхт, стоявших тут же у причала, не могла сравниться с океанской красавицей, хотя среди них были и очень дорогие модели.

К огромному облегчению Глэдис, Паркеры были уже на борту. В противном случае ей было бы очень неловко, кроме Дика и Дженни, она никого здесь не знала. Что касалось Сэма, то ему было, по-видимому, все равно. Казалось, чтобы попасть на борт, он готов был драться с пиратами. Глэдис только негромко ахнула, когда ее сын, стремительно промчавшись по раскачивающимся мосткам, прыгнул на палубу, где его уже поджидал, широко раскрыв объятия, Дик Паркер.

Глэдис бесстрашно двинулась за ним. Вообще-то она не боялась ни высоты, ни качки, но у мостков почему-то не было перил, и она дважды пошатнулась на самой середине. Впрочем, через два шага Глэдис была уже в безопасности.

– Вот это энтузиазм! – воскликнул Дик Паркер, с улыбкой рассматривая ее. Глэдис была в белых шортах и голубой майке; ее длинные волосы были зачесаны назад и схвачены широкой голубой лентой. В этом наряде она была больше похожа на старшую сестру Сэма, чем на его мать.

– Эти мостки для матросов, а вход для гостей – чуть дальше, – добавил Дик, и Глэдис расхохоталась.

– Должно быть, я заразилась волнением от Сэма, – объяснила она, обмениваясь рукопожатием с Дженни, которая тоже подошла к ним.

На палубе находилось еще несколько человек. Среди них выделялся высокий моложавый мужчина с густыми, хотя и чуть тронутыми сединой волосами. Когда он подошел ближе, Глэдис увидела, что на самом деле его волосы были почти такого же цвета, как у нее, просто в них было так много седых прядей, что они казались намного светлее. Подтянутый, спортивный. Глаза его поражали своей пронзительной голубизной, а обветренное, покрытое красноватым загаром лицо, казалось, было выточено из камня искусным резчиком. Одет мужчина был в белые шорты и ярко-красную футболку, обтягивавшую мощные плечи.

Встав рядом с Диком Паркером, мужчина скользнул взглядом по лицу Глэдис, потом наклонился к Сэму и с улыбкой протянул ему руку.

– Ты, наверное, и есть Сэм – друг Дика, – обратился он к мальчику приятным густым баритоном. – Мы давно тебя ждем.

– Мама еще не освоилась с велосипедом после зимы, – пояснил Сэм, пожимая протянутую руку. – Она могла бы упасть, если бы я поехал быстрее.

Мужчина улыбнулся.

– Ну, если судить по тому, с какой ловкостью ты и мама прошли по этим узким мосткам, вам обоим не страшны ни велосипеды, ни дикие мустанги, – сказал он дружелюбно и снова посмотрел на Глэдис. В его глазах танцевали искорки смеха, и Глэдис улыбнулась в ответ. «Как быстро он нашел общий язык с Сэмом! – подумала она. – Очко в его пользу».

А Пола Уорда – ибо это был именно он – действительно очень заинтересовали и Сэм, и его мать. Глэдис показалась ему очаровательной молодой женщиной – неглупой, веселой и довольной жизнью. Она явно гордилась своим сыном, и, проговорив с ним несколько минут, Пол понял, что для этого у нее были все основания. Сэм оказался вежливым, смысленным ребенком. Он так искренне интересовался устройством яхты, что это не могло не польстить ее владельцу. Сэм засыпал Пола вопросами и обнаружил недюжинные познания. Он сам сказал, что яхта Пола принадлежит к классу кеч¹, правильно определил высоту грот-мачты, исходя из длины судна, и перечислил названия всех парусов. Сэм действительно с некоторых пор был равнодушен к парусникам, и Пол сразу почувствовал к мальчугану расположение.

¹ Кеч – двухмачтовое парусное судно водоизмещением 100–250 тонн.

Прошло не менее пяти минут, прежде чем хозяин яхты выпрямился и представился Глэдис, хотя она уже и так догадалась, кто перед ней. Пол Уорд выглядел совсем не так, как Глэдис его себе представляла. Она даже немного растерялась. Она просто не знала, что сказать могущественному магнату и миллионеру, который оказался таким простым и таким приятным человеком. Спас ее Сэм, который, похоже, уже считал Пола своей собственностью. Не прошло и нескольких секунд, как оба они отправились в рулевую рубку, чтобы взглянуть на штурвал и все такое прочее.

Тем временем Дик Паркер представил Глэдис остальным гостям. Вскоре все весело шутили по поводу того, как Глэдис и Сэм попали на борт, и болтали о всякой всячине. Подходящая официантка предложила Глэдис на выбор шампанское или «Кровавую Мэри», но она попросила принести ей «чистый томатный сок», что вызвало новый взрыв смеха.

Томатный сок ей подали в тяжелом хрустальном бокале с серебряным ободком, на котором затейливыми буквами было выгравировано название яхты. Судно Пола называлось «Морская звезда». Несмотря на расхожее название, яхта была уникальной. Из разговоров с гостями Глэдис узнала, что ее построили в Италии по индивидуальному проекту и что второй такой в мире просто нет. До этого у Пола тоже была классная яхта, однако она не шла ни в какое сравнение с «Морской звездой», хотя именно на ней он совершил свое первое кругосветное путешествие. Пол вообще был фанатиком парусного спорта и, по всеобщему мнению, – отличным мореходом.

– Ваш сын может многому у него научиться, – сказал Глэдис один из гостей. – В молодости Пол несколько раз участвовал в гонке на Кубок Америки и с тех пор «заболел» этим видом спорта. Он частенько грозит бросить Уолл-стрит, уйти в отставку и отправиться в третью кругосветку, но я думаю, что Селина вряд ли ему это позволит.

При этих словах все рассмеялись, а Глэдис ничего не поняла.

– Разве миссис Смит не путешествует с мужем? – спросила она с любопытством. На самом деле ей не терпелось начать фотографировать яхту, однако она хотела сделать это, не привлекая ничьего внимания.

Ее вопрос вновь вызвал общий хохот. Кто-то из гостей взялся разъяснить ей, в чем соль шуток.

– Для Селины прокатиться на прогулочном катере от Канн до Сен-Тропе – все равно что обогнуть мыс Горн. Пол же, напротив, чувствует себя обманутым, если во время плавания его ни разу не потреплет тайфун или ураган. Селина старается встречать его во всех портах, куда он заходит, благо что аэропорты есть почти везде. Вот уже пару лет она уговаривает его купить самолет, чтобы он поменьше плавал, но Пол стоит насмерть.

Мужчина, сидевший рядом, согласно кивнул головой.

– Все это верно, но лично я поставил бы на Селину. Она терпеть не может, когда Пол надолго уходит в плавание. При всех своих достоинствах Селина отнюдь не моряк, и ей не нравятся трудности, связанные с длительным плаванием. Впрочем, она ничуть не изнежена – я знаю, что она поднималась на Килиманджаро и участвовала в африканских сафари, правда, только в качестве зрительницы, но спала в палатке и страдала от жары и mosquitos вместе со всеми.

Глэдис слегка пожала плечами. С ее точки зрения, плавание на «Морской звезде» было ненамного тяжелее жизни в самом комфортабельном отеле. Возможно, знаменитая писательница страдает морской болезнью. Как бы там ни было, ее нелюбовь к морским прогулкам была, похоже, хорошо известна ее друзьям и служила одной из основных тем для дружеских шуток. Слушая болтовню гостей, Глэдис старалась понять, что представляет собой Селина Смит как человек. Она казалась ей сложной и противоречивой личностью, наделенной к тому же твердым и решительным характером. Глэдис еще больше захотелось с ней познакомиться.

Пользуясь тем, что гости увлеклись разговором о Селине, Глэдис потихоньку достала фотоаппарат и привычно защелкала затвором. Прошло совсем немного времени, когда кто-то из гостей заметил, что она делает, и похвалил ее «Никон». Это действительно была хотя и старая, но очень дорогая профессиональная фотокамера. Дик Паркер счел необходимым кое-что пояснить.

– Глэдис – отличный фотограф, – произнес он гордо. – Ее отец был знаменитым фотожурналистом; за свои репортажи он получил Пулитцеровскую премию. Глэдис непременно повторит его успех, если вернется к активной работе. Она побывала во многих странах мира, и ее фотографии из «горячих точек» много раз публиковались в самых престижных изданиях. Жаль, если вы их не видели – снимки отличные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.